

МАСТЕРА УЖАСОВ

Адам Нэвилл
КОЛДУНЫ

Мастера ужасов

Адам Нэвилл

Колдуны

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Нэвилл А.

Колдуны / А. Нэвилл — «Издательство АСТ», 2021 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-148141-4

Том вместе с семьей переезжает в сельский коттедж. Дом достался им по дешевке, не в последнюю очередь потому, что его предыдущий владелец совершил самоубийство. И никто не знает почему. Уже через несколько дней Том понимает, что, вдобавок к ремонту и плесени на стенах, ему придется столкнуться с еще одной проблемой: крайне неприятными и откровенно враждебными соседями, пожилой четой по фамилии Муг. Вскоре ссоры и мелкие дразги перерастают в нечто куда более зловещее. Том начинает подозревать, что пара сварливых стариков за забором повелевает неземными силами, темной магией, которая древнее странного леса вокруг. И теперь Тому придется сражаться не только за собственный рассудок, но и за жизнь своей семьи.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-148141-4

© Нэвилл А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Прежде начала	6
1	8
2	14
3	17
4	20
5	22
6	24
7	26
8	28
9	34
10	41
11	44
12	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Адам Нэвилл
Колдуны

*Безусловно, языческие божества существовали гораздо дольше,
чем мы полагаем...*

Кто знает, не существуют ли они и по сей день?

Вернон Ли. Дионея

Уиллу, Эшу и Элизе

Adam Nevill
CUNNING FOLK

Cunning Folk © Adam L. G. Nevill

© Мария Акимова, перевод, 2023

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Прежде начала

Одинокий мужчина неподвижно стоит в холле, его толстые ноги тонут в пыльных ботинках. Тусклый электрический свет освещает галактику эмульсионной краски, которая грубой штукатуркой отпечатывается на сером комбинезоне, туго обтягивающем бочкообразный живот. Словно перепачканные в муке пальцы слабеют под тяжестью инструментов, которые едва могут удержать. В полуживой ладони левой руки – молоток. В помертвевшей правой – небольшой топорик.

На скуле, под распахнутыми от ужаса глазами засыхает «слезинка» кремовой краски. Расширенные до предела зрачки вбирают зрелище того, что свисает с потолка.

Петли.

Под свежеекрашенным потолком холла, где оканчивается завязанный петлей электрический провод, стоит алюминиевая стремянка. Она разложена так, что напоминает эшафот. Свернутые белые чехлы от пыли образуют тропу от кухонной двери до лестницы.

К самодельной виселице.

Инструменты и разбросанный мусор – сухая штукатурка, обрезки дерева и язычки грязных обоев – устилают почерневшие от времени половицы. Одна половина холла девственно чиста и блистает свежей краской. Другая десятилетиями не слышала шороха кисти и не ощущала на себе обойного клея. Половинчатый дом. Настоящее и прошлое слились здесь воедино.

В удавку превращен белый электрический кабель для люстры, который мужчина *сам проложил накануне*. Только он не завязывал на конце петлю. И даже не знает, когда это произошло. Живет он один. Но чьи-то руки позаботились о том, чтобы шнур, предназначенный для освещения холла, послужил теперь для нагнетания мрачного ужаса. И вот в доме, который мужчина надеялся назвать своим, перед порогом с крест-накрест прибитыми досками висит петля и манит просунуть голову для примерки.

Желание отвести взгляд или закрыть глаза побеждает тот же импульс, который велел мужчине покинуть кухню, войти сюда и увидеть *это*. Одна нога просто следует за другой, пока осторожность и сдержанность не делают первые предупредительные выстрелы.

С нарастающим трудом мужчина шевелит губами, задавая вопрос то ли самому себе, то ли дому, то ли богам:

– Внутри? Как...

А затем, словно обращение к невидимым палачам, на кончике языка замирает простая, жалобная мольба:

– Пожалуйста.

В лихорадочных мыслях происходит короткая борьба, а затем тело мужчины напрягается. И, словно по льду, покрывшемуся паутиной трещин, он, запинаясь, движется вперед.

Грязная рука дергается, роняет молоток. Бам! Из другой руки выскальзывает рукоятка топорика. Бах! А ноги неумолимо, против собственного желания, шаркают по белой дорожке из льняных чехлов и несут вперед тяжелое тело.

Он неохотно идет к стремянке под петлей. Лицо у мужчины одутловатое и пурпурное из-за почек, он – узник, который отчаянно пытается освободиться. Его собственная воля связана ледяной веревкой, что затягивается все туже и тащит его вперед. К петле.

Мужчина против воли поднимается по металлическим ступеням. По всем трем, до самого верха.

Шух-скрип. Шух-скрип.

Не громче воздуха, который вырывается из ниппеля резиновой шины, он хрипит:

– Только не это... Я уйду... Обещаю.

Виселица стонет под его весом, когда мужчина принимает нужное положение на самодельном эшафоте. Руки, которые с тем же успехом могли бы принадлежать другому человеку, осторожно накидывают петлю на его шею. Заправляют узел под челюсть. Затем затягивают шнур вокруг покрытого щетиной горла.

Пока мужчина бессильно наблюдает, его первая нога вытягивается и висит в воздухе, протесты стремайки стихают, будто сами ступени затаили дыхание.

Одна его нога все еще стоит на твердой поверхности, а другая уже нет, и с тонких губ мужчины срывается вскрик. Первый ботинок выдвигается дальше, переносит весь вес на пустоту и тянет за собой левый ботинок, чтобы сделать самый последний шаг, на который могут рассчитывать его ноги.

Тихий шорох витого шнура нарушает тишину холла. Тонкая струйка штукатурки сахарной пудрой присыпает скальп висельника.

На светлой стене, которую он недавно мастерски покрасил, отплясывает джигу его тень. Стальные носки ботинок рассекают воздух, резиновые подошвы дергаются в пустоте. Затем нога делает полуоборот и выбивает лестницу. И пока мужчина крутится в удушающих путях из уплотненного водонепроницаемого кабеля, его налившееся кровью лицо оплывает. Остатками зрения – в глазах уже темнеет от давления крови, которая не может покинуть череп – он замечает, как от стены рядом с кухней отделяется белое пятно.

В пелене, застилающей взгляд повешенного, большая часть фигуры незваного гостя остается нечеткой. Однако можно разглядеть, что существо ступает по-птичьи и осматривается. Затем останавливается. По-девичьи тонкое, оно белеет в полутьме. Лишь голова темная. Потрепанная и с избытком зубов.

Существо стоит на одной ноге и указывает на повешенного.

Тот беззвучно дергает ботинками. Инерция разворачивает тело, пока мужчина вновь не оказывается лицом к порогу, недавно забаррикадированному от *этих*. С последней конвульсией по полу разлетается струя мочи, а тело снова начинает крутиться. Но на этот раз угасающий взгляд скользит лишь по голым стенам и пустой кухне. Там никого нет. Там вообще не на что смотреть, а затем свет в глазах гаснет.

1

Шесть месяцев спустя.

– Папа! Папа! Твоя очередь!

Том краем глаза видит бледную, излучающую нетерпение сферу – голову Грейси. За крошечными чертами лица дочери скрывается ум четырехлетней девочки, увлеченной игрой «Я – шпион». Отвлекающий маневр, который предприняла его жена, чтобы справиться с непоседливостью Грейси.

Сейчас очередь Тома. Опять. Вот что приходится делать, становясь папой. Принимать удар на себя. Но Том не может придумать ни одной подсказки, поскольку его голова занята другим. Жена и дочь сидят рядом с ним, но напоминают пассажиров на перроне, размытых длинным поездом стремительных мыслей. Внимание Тома разрывается между управлением незнакомым автомобилем, наблюдением за навигатором, чтобы не пропустить поворот к деревне, и шквалом воспоминаний. Воспоминаний, пронизанных воображаемыми катастрофами и радостными сценариями будущего его семьи в новом доме: все расцветает, несется, увядает, снова расцветает.

К тому же он не может объяснить Грейси свою рассеянность. Свои сомнения. Свою неспособность осознать громадность этого момента новой жизни, которая скоро начнется в их собственном доме. В их собственном доме. *Их. Доме.* Со времен детства Тома это слово не обладало подобной силой.

Сегодня Том не чувствует себя самим собой, ему кажется, что нужна новая личность, которая более соответствовала бы недавно приобретенному статусу домовладельца. Только он не знает, что требуется для этой роли.

Получив, наконец, ключи и документы на дом, он словно вышел из темной комнаты, черты и детали которой были смазаны его тревогой. Из комнаты, которую ему давно хотелось покинуть. Из взятого в аренду замкнутого пространства, принадлежавшего кому-то другому. Домовладельцу, который в любой момент мог велеть ему убираться или потребовать дополнительную плату за пребывание в этих унылых пределах. Однако беспокойное, нетерпеливое ожидание выхода не покидало его и сегодняшним утром, будто Том всего лишь вошел в другую такую же комнату, черты которой тоже скроет его тревога. И все сначала.

Конечно, со временем он приспособится. Но прямо сейчас звание домовладельца выглядит неуместно. И сравнения с другими судьбоносными событиями прошлого тут не годятся, но это все, на что он может опереться. Вот, например, встреча с Фионой, его женой, – он очень долго хотел ее издали, прежде чем начал ухаживать. А когда все-таки набрался смелости и пригласил на свидание, пришлось ждать, пока она свяжется с ним, и мучиться от призрачной боли в животе. А на первом свидании ее ладонь легла на его руку, и Том сразу понял, что теперь они вместе. Фиона проложила новый курс его жизни – куда замечательнее того, где он барахтался в одиночку.

Грейси. Чуду предшествовали два года тщетных попыток завести ребенка. Они почти сдались, но девять месяцев спустя у него на руках уютно лежала завернутая в белые полотенца малышка и впервые моргала затуманенными глазами. Том никогда до конца не верил, что однажды станет отцом.

Мечты сбываются. Горячее желание вознаграждается.

«Но это...»

Так или иначе, приобрести собственный дом и больше не снимать жилье у безразличных и бессовестных людей, живя в состоянии вечного компромисса и недовольства, было самым трудным из возможного. Из-за *денег.*

– Папа-а-а! Ну! Давай! Твоя очередь! Давай!

– А если я похожу? – примирительно спросила Фиона.

– Нет. Папина очередь!

Существует порядок вещей, правила. Многие из них неписаные, но все-таки есть. Это вам и четырехлетний ребенок скажет. И в существующем порядке вещей Тому не суждено было стать домовладельцем. То, через что пришлось ради этого пройти, состарило и вымотало его куда сильнее, чем он предполагал. Только для того, чтобы оказаться здесь, он сжег нервы, которые, возможно, уже не заменить.

Теперь же, с ключами в кармане – такими горячими и неудобно прижатыми к бедру, – его мучает мысль о том, сколько нужно зарабатывать, чтобы заплатить рабочим; чтобы покрыть ремонт и улучшения, которые придется сделать своими руками; чтобы их дом стал пригодным для жилья. И Том подозревает, что в следующем году у него обуглится еще больше предохранителей.

«Не все сразу, приятель. Мы в деле».

Том отвлекается от самого себя, чтобы сделать вялую попытку дать Грейси подсказку.

– То, что начинается на... – Ни малейшей идеи. Его взгляд рыщет за лобовым стеклом, за боковым. – Начинается на...

Грейси напрягается, охваченная страстным желанием угадать раньше мамы.

Мимо проплывают обширные, просторные сельскохозяйственные угодья. Но там мало что может послужить подсказкой, подходящей для его дочери. Трава. Забор. Корова. Дом. Дерево. Ворота. Дорога. Все это уже загадывалось и угадывалось. Больше ничего нет.

«Я здесь ни души не видел». Никто не показывается на унылых влажных полях, разделенных на участки проволочными ограждениями. Никто не трудится за пожухлыми остатками живой изгороди. В небе мало птиц, если не считать сбивчиво каркающих ворон. Что касается деревьев, то на возвышенностях растут лишь чахлые рощицы, подстриженные или разбитые на последние жалкие перелески. Лесам – сходящим на нет скелетам за колючей проволокой лагерей для военнопленных – предстоит освободить место для новых пустых полей. И цементных амбаров. Телеграфных столбов. Мусора в придорожных канавах. Сбитых животных на асфальте, размазанных и одновременно спрессованных. Разрушенной земли. Голой земли. Выкорчеванного, выскобленного кустарника. Уродства и излишней аккуратности. Пустоты. Даже индустриальности. Разрушения. Негде и нечему гнездиться, пускать корни, прятаться. Зелень, но завоеванная и опустошенная ближайшим поселением. Это долины с промышленными фермами на орбите города. Ледяное кольцо, окружающее почерневшую планету.

– Папа! Твой ход!

А затем они пересекают границу. К *своей* части земли.

Неясно, когда именно происходит переход от уныния к плодородию. Дорога «Б» сужается, и на некоторое время ее заслоняют дубовые ветви, отбрасывая тень в салон фургона. Затем трасса ныряет, сворачивает на запад. Поворот, крутой подъем, и окружающий мир меняется. Даже Грейси отвлекается на карусель теней и солнечного света на первозданной земле и лобовом стекле.

Здесь уже не равнина. Холмы ломают линию горизонта и расчерчивают землю плавными волнами. Вкрапления деревьев превращаются в самый настоящий лес, убегающий от опушки вдаль. В небе парит канюк. Потом появляется еще один. Пытаясь укрыться от них, хлопают крыльями лесные голуби. Тона меняются. Злаки скрывают расчесанную гигантами желтоватую землю. Случайные сенокосные луга окрашены в пастельные цвета. Живые изгороди густеют, топорщатся и наводят на мысль о мимолетной жизни, которая порхает и жужжит внутри. Внущающие покой вековые деревья суровыми часовыми дремлют по углам полей. Под крепкими ветвями бродят карамельные в шоколадных пятнах коровы. Над открывающимся видом полотнища пепельных туч распадаются на кучевые облака, пушистые, словно вата.

Различие между «там» и «здесь» поражает Тома. Так же было, когда он приезжал сюда для просмотра. Остатки его озабоченности убегают следом за тенью облаков, отступающей за крутой холм. И взгляните туда! Между ясенями торчит шпиль деревенской церкви, пронзая голубые небеса, вызывая в памяти освещенное свечами убранство, цитрусовый хмель, жареную свинину, прокопченные балки, сов, летучих мышей, прыгающих оленей, журчащие ручьи, зеленые дорожки, мельничные колеса, веревочные качели и колокольчики. Это, должно быть, деревня Эдрика¹.

Практически другая страна, а Том – иммигрант, который смотрит на нее из-за перил большого белого корабля; его разум, словно огромный глаз, вбирает свет, выхватывает и лелеет сказочные детали.

– Вот мы и приехали, – устало произносит Фиона, прерывая задумчивость мужа. – Конец пути, ребята.

За грязным лобовым стеклом темнеет на узкой дорожке старое здание. *Дом.*

К Тому приближается бледное пятно личика Грейси, и она толкает отца в плечо, возвращая его к своим потребностям.

– То, что начинается на «Д», – наконец говорит Том.

Грейси вздыхает, задерживает дыхание. Ее голова поворачивается.

– Деревья? Дыра!

– Дом с привидениями? – предлагает Фиона.

Покинув квартиру, которую они снимали восемь лет – единственное место, что Грейси называла своим домом, – Фиона мало разговаривала, если дело не касалось забот о дочери: где ей перекусить, чем ее развлечь, как отвлечь. Чтобы путешествовать с их малышкой дольше тридцати минут, требуются крепкие нервы, глубокое дыхание и короткие перерывы в одиночестве с закрытыми глазами. Но сейчас жена Тома улыбается. Вроде как.

Фургон замедляет ход. Том смеется.

– Дом!

Грейси возмущена.

– Ты не дал мне подсказок!

– Дурочки! – Том ведет фургон к подъездной дорожке, и перед ними открывается палисадник. Прямоугольник колючих сорняков и буйных трав с неухоженными бордюрами, который подпирает разбитый асфальт.

Крыша с пятнами патины и вкраплениями мха похожа на изъеденную молью шляпу на голове бродяги. Ее неровные очертания на фоне неба выглядят так, будто их начертил ребенок, у которого выскользнула из-под руки линейка. Конек крыши зазубрен, словно зубья старой пилы, а колонна до странности прочной дымовой трубы проедена ржавчиной.

Стены обеих этажей покрывает позеленевшая штукатурка, местами отпавшая, и сквозь дыры виднеется красноватая кирпичная мускулатура здания. Окна под слоем пыли кажутся безразличными к послеполуденному свету. Даже солнце не способно проникнуть сквозь стекла и разогнать вечную ночь внутри дома. Ощетинившаяся борода кустарников бешено тянется к солнцу, расступаясь лишь у крыльца.

Прямо перед капотом фургона, у обочины, где дорога изгибалась, прежде чем водопадом обрушиться с холма и умчаться к деревне, оказывается трейлер, его грязные задние панели портят Тому весь вид. Судя по состоянию автомобиля, он десятилетиями стоял на одном и том же месте. Но когда Том приезжал осмотреться и прицениться, этого старого трейлера здесь не было.

¹ Древний и полулегендарный землевладелец XI века. Его имя связано как с «добрыми славными временами», так и с историями и феях.

Ручной тормоз срабатывает как стартовый пистолет. Ремни безопасности отстегиваются. Фиона меняет позу и отводит руку Грейси, чтобы отсоединить ремень дочери от нижней части детского сиденья; малышка не может сама дотянуться до замка, но не оставляет попыток.

Но Фиона хотя бы улыбается. Тому приятно это видеть, даже если за ее улыбкой стоит лишь желание поддержать его и порадоваться за свою семью.

– Вот и ближайшие наши пятьсот выходных, – говорит Фиона.

– А чем еще нам заниматься?

– Чем-нибудь веселым.

– Это будет весело. Переделывать дом. Создавать наше будущее.

Грейси – все еще в автокресле, но уже отстегнутая и нетерпеливая – поднимает своего игрушечного пингвина, чтобы показать ему дом.

Обнадеженный прекращением тряски Арчи, щенок спаниеля, оживает в своей корзине, которая стоит в ногах. Его радость и энергия немедленно передается Грейси, щенок забирается на колени Фионы, будто хочет выглянуть наружу. Но затем переводит взгляд с одного пассажира фургона на другого, силясь понять окружающую его напряженность, но в то же время довольный тем, что его люди в хорошем расположении духа.

– Здесь жила ведьма? – спрашивает Грейси теперь, когда они с пингином Уоддлсом могут тщательнее рассмотреть дом.

Том ухмыляется.

– Мама, а что юридическая экспертиза говорит о ведьмах?

– Нам не хватило денег на отчет о доказательствах сверхъестественного.

Нахмурившись, Грейси переводит взгляд с папы на маму.

Фиона целует теплый висок дочери и зарывается носом в каштановые кудри.

– Нет, Грейси, милая. Сырость, прогнившие карнизы и фаски, проржавевшие стяжки стен. Поломанная сантехника и электрика. Замена котла и, возможно, крыши. Для начала. Но ведьм здесь нет. Об этом месте не очень хорошо заботились, так что мы собираемся заново сделать его счастливым.

Грейси в восторге от идеи.

Том распахивает водительскую дверцу. Выскальзывает наружу, а Грейси прыгает в его объятия. Том целует дочь в лоб.

Предвкушая вернувшееся ощущение земли под ногами, она вырывается. Бежит то быстрее, то медленнее сквозь заросли перед домом, болтая со своим пингином и размахивая им над сорняками. Следом за Грейси вылезает Арчи и, отбивая дробь когтями, бросается в погоню за ней.

Фиона выходит из фургона последней. Укрывшись за распахнутой дверцей, она с вытянутым лицом смотрит на дом, будто один только его вид добавляет ей возраста. Том наблюдает за женой и за тем, как ее внимание сразу же переключается на гордые владения соседей: два этажа и безупречная крыша, которая возвышается над высокой живой изгородью, разделяющей палисадники двух домов.

Улыбка Фионы исчезает, и Том чувствует, что в какой-то степени теряет жену, это вызывает в нем тоску, похожую на боль в груди.

Он уже трижды видел дом соседей и завидовал им. Особняк без труда излучает идиллическое очарование английской деревни. Живое воплощение дома мечты. Сказочный коттедж прямо за их собственной неухоженной изгородью, свисающей до земли.

По ту сторону границы из зелени слышится четкий *щелк-щелк-щелк* стальных секаторов, хотя садовника не видно. Асфальт вдоль дороги темнеет от воды из разбрызгивателя, но никто не выходит поприветствовать Тома и его семью.

Во время первого визита Том забредал к соседям, чтобы представиться. И хотя чувствовал, что те дома, дверь ему никто не открыл. Возможно, соседи были на заднем дворе. Но Том

помнит, как его поразил их палисадник: пышная красота одновременно притягивала и отпугивала. Том почувствовал себя замызганным и неловким, словно вдруг оказался в месте, которому не принадлежал, среди людей иного сорта, одетый в неподходящий наряд. И он попятился прочь, радуясь тому, что соседи не открыли дверь с этим ее трубным звоном.

Грейси приостанавливает свое гарцевание, указывает игрушечным пингвином в сторону дома соседей.

– Мы должны жить там.

Фиона подавляет смешок.

Пораженный на миг бесхитростным комментарием четырехлетнего ребенка и не в силах скрыть обиду в глазах, Том заставляет себя улыбнуться. А дочь подхватывает эту улыбку. Он подмигивает и игриво грозит ей пальцем.

– Эй! Как только я закончу с нашим домом, он будет...

– Лучше, чем у них? Таким же хорошим?

– Лучше, чем у них.

Том достает свой смартфон.

– Давайте. Селфи. Сделаем одно до и одно после, как только приведем это место в порядок.

Фиона поднимает бровь.

– Надеюсь, на втором фото у Грейси будут не седые волосы.

Они с Томом все еще смеются, когда в них врзается дочка.

Том настраивает телефон.

– На счет «три» – прощайте, денежки. Готовы? Хорошо. Один. Два. Три...

Хором, как одна семья, они кричат:

– Прощайте, денежки-и-и!

Чтобы добраться до покосившегося крыльца, скрывающего входную дверь, Фиона и Грейси высвобождаются из объятий Тома и обходят заросли сорняков, которые проросли на утопанной дорожке.

Том задерживается на месте из-за приглушенных голосов за их неряшливой изгородью. Он не может расслышать, о чем идет речь, поэтому бочком пробирается к узкой улочке – древней тропе, которую веками распахивали лошади и повозки, пока ею не завладели шуршащие по асфальту шины.

Среди пятен света и теней от нависающих ветвей деревьев они будут ходить по этой красивой дороге вместе, как семья. Прогуляются в деревню. Хотя там уже нет ни магазина, ни паба, деревенские коттеджи и палисадники все так же красивы. Как и ряд таунхаусов, расположенных дальше по склону, ведущему в деревню. Их дом – последнее здание, стоящее особняком на окраине. И единственное в таком плачевном состоянии.

Внимание Тома переключается на останки старого трейлера, притулившегося на обочине. В полумраке древесных крон обветшавшая обшивка кажется болотисто-зеленой. Дешевые оранжевые занавески на окнах заплесневели от конденсата. Открытые металлические части усеяны пятнами ржавчины. Развалина, бельмо на глазу. Должно быть, трейлер принадлежит соседям.

– Фу! Вы это видели? Раньше его здесь не было.

Том надеется, что его голос услышат, и это побудит садовников за изгородью дать объяснение. Но никто не появляется, терпеливое *щелк-щелк* секатора не замолкает, словно пассивно отрицает присутствие Тома. Он делает еще один шаг в сторону соседнего участка, не зная, представиться ли ему первым или просто потребовать объяснения, почему здесь стоит трейлер.

Его отвлекает скрип двери.

– Папа! Папа! Гляди!

Арчи без передышки лает и, похоже, не готов идти внутрь с девочками. Но в промежутках между тьяканьем щенка Том совершенно точно слышит резкий вздох за изгородью. Эдакий резкий вздох возмущения.

2

Точно робкие гости, неуверенно переступившие порог незнакомого дома, Том и Фиона замирают у входной двери. И сразу же из глубины на них налетает дыхание старого дома, извергающего миазмы гниющих внутренностей. Потемневшего от сырости дерева и размякшей от влаги штукатурки. Химического и сладковатого аромата краски. Щекочущей нос остроты серой пыли. Персиково-аммиачного запаха мочи животного, вероятно кошки. Резкой вони сточных вод, которая то появляется, то неуловимо исчезает. И избытка уличных ароматов – холодных, компостных, осенних. Последних призраков, покидающих пустые здания.

Том и Фиона обмениваются тревожными взглядами, когда видят над головами длинный белый кабель с пустым электрическим патроном.

Фиона дотрагивается до горла, сглатывает, переминается прямо под светильником.

– Интересно, сможем ли мы когда-нибудь прийти. Домой. И не думать о...

Том морщится.

– У нас будет отличный свет.

– Да. Он отвлечет нас от этого.

Самоубийство предыдущего владельца сказалось на Фионе сильнее, чем на ее муже. Грейси об этих событиях не знала и никогда не узнает.

Примириться с историей дома всегда нелегко, но отодвинуть трагедию бывшего владельца на задний план, пока длится изнурительный процесс покупки недвижимости, оказалось просто. Том даже не обдумывал до конца, как будет чувствовать себя, вступив во владение домом, прежний хозяин которого повесился в холле. Но от внезапной и вынужденной близости с тем самым местом, где перестало биться сердце незнакомого человека, у него перехватывает дыхание.

– Это сбило цену по меньшей мере на двадцать штук, – замечает Том, но мягче, чем собирался, из-за чего его голос звучит нерешительно. – Вот о чем нужно помнить. Взамен того.

Фиона смотрит на Тома так, словно не может поверить своим ушам, затем усмехается и шлепает его по руке.

– То, что рядом нет школы, а крыша напоминает решето, тоже помогло. Не могу поверить, что позволила уговорить себя на все это.

Том улыбается.

– О чем. Я. Только. Думал?

Внезапно они начинают хохотать, словно дети перед лицом чего-то ужасного и одновременно немного абсурдного. Фиона прижимается ему под мышку. Виноватое хихиканье стихает, они целуются, затем поворачиваются, чтобы заглянуть за виселицу из обыкновенного светильника.

Зияет темный провал из голых половиц и простых стен, вид которого накрывает холодной тенью. Тому кажется, что стены поддерживают тяжелый предмет, который нужно поднять и унести подальше.

Ноги Грейси шаркают и стучат по гулкому дереву, пока она взволнованно топает по длинному коридору.

– Старая комната! Новая комната!

Рядом с ними проникновенная гладкость бледно-кремового и восстановленные плитусы говорят о намерениях предыдущего хозяина. За свое недолгое владение домом их предшественник попытался стереть былые эпохи, но так и не продвинулся далеко, успев лишь оштукатурить и покрасить лестничный пролет, площадку первого этажа, гостиную в задней части дома и половину коридора. Инструменты были заброшены, когда он шагнул со стремянки.

– Дом из половинок, – бормочет Фиона.

– Старая комната. Старая комната, – объявляет Грейси.

Многие эпизоды долгой жизни дома по-прежнему цепляются за его тусклую оболочку. Обои с рисунком из оранжевых и коричневых квадратов – дизайн, близкий по своей смелости к психоделическому – на стенах гостиной, расположенной рядом с передней. Том заглядывает туда, смотрит на потертый плинтус, густо окрашенный в цвет ванильного мороженого; деревянная отделка покрыта черной копотью, будто рожок уронили в грязь. Выключатель из матового стекла напоминает масленку. Кухня, ванная комната и спальни наверху не более привлекательны.

Все, на что Том бросает взгляд, вызывает водоворот мыслей, разум навязчиво перечисляет то, что придется ремонтировать своими руками, одновременно подыскивая приработок, который таинственным образом иссяк в тот момент, когда они внесли депозит – накопления всей жизни, ни больше ни меньше. Чтобы поднять себе настроение, Том представляет, как укладывает линолеум на эти голые полы, отделяет оставшуюся половину первого этажа и все спальни, кладет плитку в ванной. То, на что он определенно способен. С поднимающейся снизу вверх сыростью на некоторых стенах первого этажа тоже придется бороться, пользуясь знаниями, которые он почерпнул на YouTube. Том считает, что справится.

Заветных денег, которые мама Фионы подарила им на новоселье – несколько больше, чем, как они думали, ей удалось припрятать, – хватит лишь заплатить сантехнику за установку нового бойлера и замену труб на кухне и в ванной. Они издают звуки садящейся на мель подлодки.

Кредит на обустройство дома, взятый в банке, где работает Фиона, должен покрыть ремонт крыши или замену электрического щитка и проводки. Новым окнам придется дожидаться, когда на них появятся средства. Когда у Тома снова будет работа.

Чтобы оставаться на плаву, держать нос и рот над беспокойной поверхностью самых глубоких и ненадежных вод, в которых он когда-либо бултыхался – непосильная ипотека на дом, в котором нужно все, – следует сосредотачиваться на одной задаче зараз. Сначала одна комната, потом другая. Или рискуешь утонуть. Том это понимает и повторяет данный факт про себя снова и снова. Все первое время.

– Предстоит несколько долгих дней. Почти доволен тем, что затихли дела с фрилансом.

Фиона кивает в знак согласия, но отводит взгляд, обеспокоенная призраком денег, утекающей струйки единственного дохода. Она отходит и, стоя к Тому спиной, заполняет собой весь зев кухни.

– Можно понять, где у него кончились деньги. Или где он сдался. – Она морщится, поворачивается к мужу. – Думаешь, он... это было из-за денег?

Они обмениваются взглядами. Том предупредительно приподнимает бровь. Фиона возвращает это выражение точно вызов, поскольку ей не по нутру предупреждение о том, что Грейси может подслушать плохие вещи о доме. Вряд ли Фиона из тех, кто позволит вырваться чему-то подобному.

Дочка с грохотом вылетает из гостиной.

– Я иду в свою комнату. Давай, Уоддлс. Я покажу, где ты будешь спать.

Она уносится по коридору, выбивая облачка пыли из-под половиц.

– Осторожнее, малышка, – говорит Том. – Не хочу никаких неприятных случайностей.

Грейси карабкается вверх по лестнице, ее маленькие ножки – поршни, колени высоко поднимаются и толкают вверх ее тело. В руке болтается Уоддлс, игрушечный пингвин. Другой постоянный спутник дочери, Арчи, догоняет на лестнице.

Том улыбается.

– По крайней мере, Грейси видит потенциал.

Фиона фыркает.

– Грейси была бы счастлива жить и в том развалившемся трейлере, если бы папа назвал его замком.

При мысли о трейлере перед домом сырая атмосфера дома снова вторгается в мысли Тома, и лишь топот Грейси наверху возвращает его взгляд к потолку. Тихий голосок малышки доносится до них, приглушенный каменной кладкой и деревом, но волнение в нем не ослабевает.

– Тут мы принимаем ванну.

Фиона вновь появляется рядом с Томом. Они сжимают друг друга в объятиях. Глядят в глаза, соприкасаются лбами.

– Мы сможем это сделать, Фи.

– Если ничего не сорвется.

3

Через открытое окно доносится звук мощного автомобильного мотора. Затем следует довольный хлопок двери и два приглушенных голоса.

Том слишком занят, чтобы с этим разбираться, – он обдумывает, за какую комнату взяться первой. Это будет комната Грейси. В передней части дома, на втором этаже, с видом на аллею с колоннадой из деревьев. Там придется приложить все силы. Они понадобятся, поскольку эта комната – мрачное пространство, которое не менялось с семидесятых годов. Каморка, в которой легко вообразить ее бывшего обитателя – пожилого мужчину, сосредоточенного на угрюмом бдении и ежащегося от самокруток. Тому даже чудится запах табака.

Между долгими периодами запустения ни один из пятерых предыдущих владельцев не отделял спальни. Возможно, потому что никто не задерживался здесь достаточно долго. От этой мысли разум Тома омрачается страхом, окрашенным в тот же тон, что и занавески. Может, есть глубокая и серьезная причина, по которой этот дом никому не нравился, и она прямо перед носом. И словно воспоминание, мелькающее на краю памяти, эта причина скоро и внезапно прояснится.

«Нет. Хватит».

Теперь в этом доме изменится все. И в первую очередь эта комната: ее цвет, обстановка, сам характер и дух. С игрушками и стенами оттенка розового мороженого – любимого у Грейси уже три года – его дочь смягчит и оживит это место.

Пышное одеяло на белой постели. Кукольный домик вон там. Книжный шкаф здесь, в ногах кровати. Свет ночника. Место, которое будет ассоциироваться у дочки с уютом. Где будут сочиняться воображаемые миры для игрушечных медведей и кукол. Эта комната станет сценой в театре будущих игр, куда захотят прийти ее друзья.

Его маленькая Грейси будет здесь расти, становиться выше и умнее, игрушки и плакаты будут меняться вместе с ее интересами. Но комната навсегда останется убежищем, в котором Грейси будет мечтать, думать и отдыхать; убежищем для его крохи, его малышки, его девочки-подростка, а возможно, и молодой девушки. Тому хочется сделать эту комнату особенной больше, чем любую другую в доме. Помимо того, что он должен зарабатывать, контролировать, обеспечивать, представлять собой и делать в свои годы, ему хочется знать, что Грейси в безопасности, здорова и счастлива. Эта комната станет памятником тому, как сильно ее любят и берегут. Преображение их дома начнется здесь.

Голоса снаружи становятся тише, но их тон делается жестче, будто разговор перешел на серьезный лад. Хотя слов не разобрать, Тому кажется, что происходит торжественный обмен новостями. Он придвигается к окну, скрип половиц приглушает ковер цвета бычьей крови, припорошенный пылью и вымазанный паутиной, при этом болезненно влажный. Том выглядывает в окно, почти непрозрачное от копоти.

Вид отсюда снова дразнит его мыслью о том, что не могут существовать два более непохожих палисадника. И облака, кажется, разошлись исключительно над остроконечной крышей соседей, даже солнечный свет благословляет их сад, но не дотягивается до заросшей, неопрятной лужайки Тома. Стороны и края живой изгороди со стороны соседей настолько аккуратны и правильны, будто ее выкладывал каменщик. Виднеется лишь проблеск лужайки – кусочек зеленого сукна среди радуги цветов, собранных, словно декоративные фигурки солдатиков, на крайне прагматично упорядоченных полосах клумб. От взрыва цвета у Тома даже слезятся глаза. А неистовый танец пчел и бабочек вызывает головокружение. Но за этими яркими клумбами ему удается заметить двух женщин в начале пустой подъездной дорожки соседей.

Женщина постарше, должно быть, лучшая половина семейной пары, живущей в соседнем доме, – небольшого роста, в свободной рубашке с подвернутыми до локтей рукавами. Мешко-

ватые серые брюки закатаны и открывают костлявые лодыжки. Старая одежда для работы в саду, которая, по-видимому, когда-то принадлежала мужчине.

Женщина стоит к Тому спиной, он видит ее худое тело и узкие бедра. Ни грамма лишнего веса, крошечная фигурка держится ровно благодаря на зависть прямому позвоночнику. Тонкие мускулистые руки заканчиваются садовыми перчатками. Только форма окрашенной хной стрижки-«боб», которая венчает миниатюрную соседку, кажется Тому странной, хотя с такого расстояния да еще и через грязное оконное стекло он не может определить почему.

Осанка женщины тоже кажется решительной, с намеком на гордое противостояние, будто соседка неодобрительно смотрит на свою гораздо более высокую собеседницу. Гостью, которая припарковала свой черный «мерседес» в начале подъездной дорожки Тома. Она не оставила машину на улице, поскольку весь участок перед домом соседей занимает грязный трейлер. Может, из-за того, что их новый дом так долго пустовал, посетители соседнего привыкли парковаться на его подъездной дорожке? Хотя, конечно, этой гостье прекрасно видно, что теперь там стоит фургон, который она заблокировала.

Внимание Тома переключается на водительницу «мерседеса». Как и палисадники, его соседка и вторая женщина тоже не могли бы быть более непохожими друг на друга.

Посетительница представляет собой аккуратность и шик в черно-белой гамме. Ее официальный наряд – символ бизнеса и денег. Чего-то связанного с банком или законом, предлагает Том. Собранные в пучок на узком затылке волосы цвета воронова крыла переливаются. Фигура стройная и костлявая, силуэт резко очерчивает вторая кожа сшитого на заказ костюма. Ниже края юбки-карандаша блестят чулки, из-за чего стройные икры кажутся влажными. Та же особенность распространяется и на ее лакированные туфли-лодочки.

Когда обмен репликами между женщинами становится более интенсивным, а расстояние между их лицами сокращается, Том наклоняется вперед. «Шпионит», – сказала бы мать, увидев его в нескольких сантиметрах от окна.

Соседка протягивает женщине в черном пластиковый пакет, и внешняя почтительность посетительницы внезапно тает, сменяясь волнением, которое она не может сдержать. Несмотря на профессиональную выправку, ею овладевает неподобающее рвение, а также скрытность, которая побуждает схватить сумку.

Когда предмет переходит из рук в руки – от садовой перчатки к алебастровым пальцам с ногтями, выкрашенными в бордовый цвет, – кажется, что посетительница в костюме вот-вот зальется слезами радости. Она даже пожимает грязную перчатку пожилой женщины, чтобы выразить свою благодарность. А та, если Том не ошибается, протягивает руку по-королевски.

Посетительница опускает ладонь в изящную сумочку, которая свисает с ее угловатого плеча. Достает оттуда белый конверт и протягивает его пожилой женщине.

Из-за того, что следует дальше, по голове Тома пробегает жаркая волна. Чувство сродни тому, когда случайно становишься свидетелем эротической сцены между незнакомцами.

Элегантная посетительница сгибается в талии и целует тыльную сторону перчатки пожилой соседки, прижимаясь алыми губами к грязной ткани. И не спешит разорвать связь своих блестящих губ с грубым материалом, в котором недавно рыли землю.

Затем посетительница, скрестив лодыжки, делает медленный, почтительный реверанс, будто перед королевой после оказанной чести.

Соседка отвечает на демонстрацию такого подбострастия лишь усталым и, возможно, пренебрежительным кивком.

Затем женщина в костюме отступает и, покачиваясь, проходит мимо дома Тома к своему «мерседесу», она двигается скованно, словно боится уронить что-то драгоценное или хрупкое.

Нахмурившись, Том еще сильнее наклоняется вперед. Когда его лоб ударяется о стекло, пожилая соседка стремительно оборачивается.

Моргая от неожиданного удара, Том видит сморщенное, но свирепое лицо старухи со вздернутым подбородком. С вызовом вздернутым, если он не ошибается.

Не успев это обдумать, Том опускается на корточки, на его лице пылает смущение шпиона, застигнутого на месте преступления. Он испытывает не только стыд, его передергивает от дурного предчувствия. Даже страха, который Том не может объяснить.

4

«Достаточно, чтобы заставить любого превзойти самого себя».

Еще одна неказистая, устаревшая комната с гнетущей атмосферой. Грязные окна пропускают свет, окрашивая его в оттенок олова. В лучах солнца резвятся рои пыли. Фиона с презрением оборачивается и снова, словно не веря собственным глазам, осматривает место, которое должно стать их спальней. Пустое пространство, запертое между выцветшими желтыми обоями, с выступами, которые исчезают в темноте по четырем углам высокого потолка.

Вдали, в глубине сада, виднеется размытая путаница верхушек деревьев. Лес – одна из причин, по которым Том так стремился заполучить этот дом: ради жизни среди того, что обогащает детство Грейси, среди чар, созданных самой природой. Фионе хочется хохотать в голос.

Из глубины дома приглушенно доносится скрежет дрели по штукатурке. Том все еще в будущей спальне Грейси, расположенной в передней части дома. Он хочет сначала устроить их дочь. Фиона не возражает. А в паузах, когда дрель замолкает, краем уха прислушивается к дочке и пластиковым колесам ее игрушечной коляски, которую Грейси гоняет по пустому холлу вниз. Малышка по-прежнему не устала от своей беготни.

Но вскоре внимание Фионы возвращается к бесконечным задвижкам, которыми когда-то запирали изнутри дверь спальни. Любопытно, это делал предыдущий владелец или кто-то до него? Возможно, пожилая женщина, которая панически боялась грабителей?

Кожа на голых руках и ногах Фионы покрывается мурашками. В поисках тепла она переходит к окну, где есть батарея и намек на солнечный свет. Бросает стопку постельного белья на самый чистый участок древнего ковра, который может разглядеть под ногами.

Пустые отверстия от шурупов в растрескавшейся деревянной раме говорят о том, что раньше окно было забито изнутри. На полу лежат две доски. Агент по недвижимости оторвал их. У предыдущего владельца дома не было семьи. Фиона и Том купили это здание с незаконченным ремонтом у банка через аукцион. Повезло, что дом достался именно им.

Фиона прикасается к торчащему из штукатурки дюбелю.

– Бедный мерзавец.

И в этот самый момент волна усталости захлестывает и замедляет ее, размягчая конечности, но добавляя веса костям. Фионе хочется сесть и уставиться в пространство. Навязчивое желание, которое почти не покидало ее с тех пор, как они вошли в парадную дверь.

Несмотря на то что Том скоро все здесь отделает и настелет новый пол, ей нужно временно превратить это место в пригодное для жизни, чтобы им было где спать. Но теперь даже такой пустяк выглядит слишком большой тратой сил. Фиона вздыхает и хочет на что-нибудь опереться, чтобы собраться с мыслями. Она кладет руки на грязный подоконник. Покалывание и хруст под ладонями кажется канонадой крошечных взрывов. Одного взгляда достаточно, чтобы увидеть на подоконнике легион засушенных мух и мотыльков. Они заставляют подумать о пауках, которые превратили в пыль такое количество насекомых.

Фиона отряхивает с ладоней грязь и отколупывает с кожи маленькую черную лапку. И тут ее взгляд привлекают сочная цветочная палитра и яркий золотистый свет, который льется через покосившуюся ограду из сада соседей.

Маленькие аккуратные деревца по другую сторону кое-где удерживают панели забора, а кое-где опрокидывают их на землю. Сквозь верхушки видно марево из бабочек и пчел, которые лихорадочно кружат над цветочными клумбами и окруженными камнями островками пампасных трав, диких злаков и кустарников, отяжелевших от царственных пурпурных, сочных желтых и алых соцветий.

Взгляд Фионы скользит по прекрасному саду до того места, где пышная ухоженная трава наткнется на стену густого леса, которым оканчиваются оба участка. Возле линии деревьев ее

внимание привлекает одна особенность – окаймленный блестящим тростником круглый пруд, его поверхность напоминает черное зеркало. Над обсидиановой водой возвышается небольшая каменная статуя.

Фиона наклоняется вперед, прищуривается, чтобы лучше разглядеть позеленевшее каменное украшение соседского сада. Это фигурка ухмыляющегося чертика с длинными ушами и ногами олененка. Он стоит на одной ноге и играет на деревянной свирели.

И тут мечтательный взгляд Фионы разбивается о два внезапно материализовавшихся белых пятна. Те превращаются в пару лиц. Соседи.

Они стоят, прямые как палки, и пристально смотрят на Фиону. Соседи просто возникли посреди своего сада. Без предупреждения, будто туземцы в южноамериканских джунглях.

Соседи стоят по обе стороны круглого валуна, с которого в небо стремится огромный папоротник, и смотрят на Фиону. Мужчина, словно обрадованный тем, что поймал ее за подглядыванием, ухмыляется. Покрасневшая от сдерживаемой ярости женщина, похоже, возмущена тем, что та осмелилась хотя бы взгляд бросить на их безупречный участок.

Смутившись, Фиона торопливо отворачивается и переключает внимание на собственный сад: темный, заросший, бесформенный, обделенный птицами и бабочками. Он выглядит проклятым.

В поле зрения появляется Грейси. Маленький Арчи, резвясь, бежит за ней по пятам. Щенок в восторге от ароматов, которые накапливаются среди неухоженной травы и непослушных кустов. Выбрав место, он принимается копать. Фиона прежде не видела, чтобы Арчи так делал.

Соседи продолжают пристально глядеть на нее. Краем глаза Фиона по-прежнему видит овалы двух костлявых лиц. Подбородок соседки теперь вскинут с вызовом, обращенным к окну, за которым пытается спрятаться Фиона. Ей хочется понаблюдать за Грейси и Арчи, но плящущие соседи – это совершенно невыносимо. Она разворачивается и отступает в сумрак.

5

Том не заходит дальше порога главной спальни. Облокотившись о дверной косяк, он смахивает с рук опилки, которые усеивают и его обнаженные предплечья, и джинсы.

Том обнаруживает жену сидящей на пластиковом ящике для вещей с краю от того места, где сероватый свет с заметной неохотой проникает в дом. Фиона промакивает глаза салфеткой. Вокруг нее, точно брошенные беженцами пожитки, лежат скомканное постельное белье и занавески. Фиона не принесла в дом ни один из чемоданов.

Том постепенно осознает, что жена долго сидела тут одна в тишине, пока он крепил карнизы для штор в комнате Грейси, а затем и в гостиной на первом этаже. Он догадывается, что Фиона перестала плакать, лишь услышав его шаги. Она здесь уже целую вечность, но, похоже, даже не пыталась сделать эту комнату уютнее. Тома это удивляет.

– Слезы радости оттого, что мы оказались в нашем первом доме? Или это отчаяние?

– Нечто среднее.

Том бочком входит. Садится на голый пол рядом с Фионой. Кладет руку ей на колено.

– Эй.

Фиона накрывает его руку обеими ладонями.

– Просто нашло. – Она с тоской смотрит на усеянное пятнами окно.

Том мрачно оглядывает потолок. Раздраженно пожимает плечами.

– Я понимаю. Правда, понимаю. Жуть. Вот мы здесь, а я чувствую себя измотанным. Но он станет настоящим домом. Возможно, впервые в своей жизни.

– Он кажется совсем другим, чем когда мы его рассматривали. Куда хуже.

– Я сделаю все, чтобы вам с Грейси было хорошо. Обещаю.

– Я знаю. Ты постарайся, чтобы все получилось. Но сюда вложено и то, что у нас было, и даже то, чего у нас не было, приятель. Думаю, это просто задело меня за живое и взяло верх. Дом в таком состоянии. Такой... усталый. Разбитый. Несчастный. Никто никогда не жил здесь долго.

Том смотрит на пол у себя под ногами.

– То, что случилось. Это в прошлом. И к нам не имеет никакого отношения. Парень был в депрессии.

Фиона предупреждающе поднимает руку. Не нужно. Не сейчас.

Том меняет тактику.

– Ради этого мы сэкономили каждый пенни. Десять лет, Фи. Две старые машины и единственный отпуск в Аберистуите. Мы заслужили лучшую жизнь.

Фиона скорее наваливается, чем опирается на его плечо. Он безумный проповедник, который привел свою паству в зеленую пустыню. Пути назад нет. Решение принято, он заставил их переступить черту в те сумасшедшие месяцы, когда они, охваченные волнением и усталостью, обходили вместе с бесконечными агентами тесные квартирки и бывшие муниципальные владения с похожими на заросли газонами. С их бюджетом едва можно было побороться за полузаброшенные кварталы в советском стиле, окружавшие лишенный зелени центр города.

– Жизнь на природе. Почему она не для нас? Я могу себе ее представить. И сделаю так, чтобы это сбылось.

Область поисков расширилась, что вызывало лишь большую досаду: дома теснились вдоль неряшливых обочин кольцевых дорог. И каждый оказывался компромиссом между тем, чего они хотели, и тем, что было им необходимо. Пока Том ехал от одного унылого варианта, который они могли себе позволить, до другого, расположенного в границах их скудных возможностей, его воображение неизбежно рисовало жизнь Грейси в этих местах. Детство, проведенное в тесных двориках между покосившимися рейками заборов. Путь в школу по

улицам, напоминавшим забытые пазухи, со всеми этими припаркованными вдоль бордюров машинами. Прогулки вдоль заросших лужаек или игры в невзрачных парках под его постоянное: «Осторожно, там собачье дерьмо». Бесконечные мостовые, светофоры и металлические заборы между супермаркетами, складами и промзонами. Грейси дышала бы воздухом, похожим на тот, что окружает нефтеперерабатывающий завод. У малышки уже астма. И виной тому, они не сомневались, частицы дизельного топлива.

А потом, их собственные жизни. Сломанные и серые. Его и Фионы. Вверх и вниз по врачам. Грейси вырастет и уйдет, так и не узнав ничего лучше того небольшого, что они ей дали. И ожидая от самой себя в их возрасте лишь то же самое. Том вообразил все это, и перспектива подобного будущего расколола его ребра и закалила сердце.

Фиона шмыгает носом, тянется к простыням.

– Теперь я чувствую себя глупо. Не знаю, что случилось. Просто почувствовала себя... подавленной. Я неблагодарная?

Скрипит половица. Том и Фиона оборачиваются к дверному проему, там стоит Грейси с таким же вытянувшимся, как у мамы, лицом.

– Этот дом плохой, мамочка?

Фиона заставляет себя улыбнуться. Том машет дочери, чтобы та заходила. Грейси без лишних подсказок бросается в объятия отца. Она задыхается от слез, которые вот-вот вырвутся наружу.

– Маме больно?

– Давай сюда. Сэндвич с папой.

Фиона наклоняется и обхватывает Грейси руками с другой стороны. Страдание их дочери немедленно смягчается до жалости к себе, которой она хочет дать волю.

Том обращается к обеим своим девочкам.

– Мы должны относиться к этому как к великому приключению. Сначала оно немного пугает. Нужно время, чтобы приспособиться, потому что мы очень долго жили в клетке для кроликов.

– Там не было никаких кроликов!

– А вот и были. Ты! – Том щекочет Грейси, а она визжит и смеется.

Фиона улыбается, в ее глазах слезы, но взгляд полон любви к мужу и дочке.

– И знаешь что? – добавляет Том. – У этого дома есть свой лес. Полный кроликов.

Он крепко целует Грейси в лоб, в каждую из щек, в макушку. Малышка извивается у него на коленях.

– Твоя борода колется!

– Пойдем. – Том помогает Грейси подняться на ноги и осторожно отряхивает с нее пыль. – Принесем хотя бы один матрас, иначе нам сегодня придется спать в фургоне.

6

Первая ночь в собственном доме, а все трое, словно беженцы во временном приюте, ютятся в одной комнате. Грейси укладывается на надувной матрас рядом с двuspальной кроватью, но долго там не задержится. Даже в такой близости она все еще слишком далеко от мамы с папой, и, когда Том проснется, между ним и Фионой будут раскинутые руки и ноги их дочери.

В тот вечер он едва не умер, пока тащил матрас по винтовой лестнице. И снова повредил плечо и шею.

А теперь, когда усталые голоса перестали перешептываться, словно в библиотеке, начинают заявлять о себе разные части темного дома. Это все равно что находиться под палубой старого парусника. Даже Тому эти звуки кажутся таинственными. Если бы он не знал наверняка, то решил бы, что внизу раздаются шаги, а за одним из перекрытий кто-то скребется. Ему кажется, что на кухне стонет некая поверхность, словно принимая на себя вес усевшегося на нее существа.

Между этими загадочными нарушениями покоя повисает тишина, настолько глубокая, что Тому чудится, будто дом расползается во все стороны бесконечными комнатами, коридорами и помещениями, которые они еще не нашли. Но, по крайней мере, это отвлекает его от навязчивой карусели мыслей: куда отправить резюме, какой контакт использовать, какую стену зашкурить первой. Все это вертится и вертится в голове. Том подозревает, что заботы оставили самую настоящую колею в его мозгах.

Он думает, что Грейси спит. Она давно затихла.

* * *

Том не может это знать, но разум его дочери как никогда активен.

Грейси попала в странное, светлое место. Она стоит с Арчи на поросшем травой холмике, который кольцом окружают черные деревья.

Вокруг холма, прямо под узловатыми ступнями огромных стволов, против часовой стрелки кружат на слабых лапах серые зайцы с лицами стариков.

Зверьки всё появляются и появляются из каменной дверцы в холме, переговариваются голосами няни и дедушки, а затем начинают свое кружение. Их язык незнаком Грейси, но она, сама не зная как, понимает его. И ей не нравится, что зайцы смотрят на Арчи злыми, выцветшими глазами.

С вершины зеленого и круглого, точно иглу, холма Грейси ищет взглядом маму и видит за верхушками деревьев их новый дом. А в окне верхнего этажа большим красным ртом смеется мама. Потом она становится совсем расплывчатой и повязывает что-то себе на шею.

* * *

Дыхание Фионы сбивается, она что-то бормочет. Ее тело абсолютно неподвижно и кажется чуть сдувшимся. Том всегда засыпает первым, но теперь он остается единственным в доме, кто бодрствует, и чувствует себя ужасно одиноким.

* * *

Фиона у черного пруда, она красит губы кроваво-красной помадой и смотрит на свое отражение в воде. Ее лицо, за исключением рта, расплывается.

Она не одна. Но не может разглядеть тех, кто ползает на четвереньках за окаймляющими воду кустарниками. Раздается смех. Смеются над ней. Это люди. Их двое, и они передвигаются точно животные.

– Принесло еще больше чертовой дряни, – объявляет женщина.

Фиона поднимает руки и затягивает на своем горле веревку.

– Где же мне это сделать? – спрашивает она. – Там?

Соседний дом настолько идеален, что кажется миражом: увитая плющом красная кирпичная кладка, с водосточных желобов свисают розовые глицинии, белые деревянные панели сверкают, будто идеальные зубы в злорадной улыбке.

Фиона не может ничего разглядеть внутри здания. Оконные стекла ослепляют. Однако из симпатичного домика просачивается удушливый запах мышиной мочи и сырого дерева, опилок и газа. Фиона смотрит на головки колокольчиков, обступивших ее ноги, пока глаза не пронзает боль от их цвета.

Ее не должно быть здесь. Она не в том саду и пытается встать, услышав за оградой плач Грейси.

Но Грейси вовсе не в соседнем саду, а под водой перед Фионой. Глаза дочери закрыты, губы шевелятся. Ее волосы кольшутся, словно трава, а затем и становятся травой.

Ноги Фионы будто набиты мокрым песком, с тем же успехом она могла бы сидеть в инвалидном кресле. Даже наклоняться вперед становится трудно, а вскоре она перестает дышать, потому что петля на ее шее снова затягивается.

* * *

Том даже не уверен, что проснулся, когда Фиона произносит:

– Я была не в том саду.

Рядом с ним на кровати виден ее силуэт. Она смотрит на дочку, которая только что забралась к ним в постель.

Грейси плачет, и Тому кажется, что она говорит:

– А кролики плохо с ним обращаются. Большая крольчиха в черном платье пришла в дом, поймала папин хвост в капкан, а папа плачет и не может выбраться...

Том проспал не больше нескольких секунд. Но погрузился в сон так глубоко, что страх смерти немедленно заставил его проснуться. Приходит воспоминание из прерванного видения: его преследовало по первому этажу дома нечто с белой маской вместо лица. Половины половиц не хватало. Больше Том ничего не может припомнить.

Он окончательно просыпается, когда Фиона снова укладывается, что-то бормоча под нос.

Теплое тело Грейси устраивается в его объятиях. Дочка дремлет. Том накрывает ее одеялом и поворачивается на бок. Грейси прижимается к его животу и кладет голову ему под подбородок. Ожидая, пока пройдет его собственная растерянность, Том большим пальцем осторожно вытирает слезы с ее щек.

Вскоре он начинает жалеть, что не может перевернуться, не потревожив Грейси. Ему не нравится лежать спиной к открытой двери.

7

– Ах ты, ублюдок. Залезай.

Скребя пальцами ног по половицам, с которых он содрал грязный ковер, измазавший черным лицо и руки, Том укладывает матрас на диван Грейси.

Над полом ее комнаты сложенными кубиками возвышаются пластиковые ящики. Внутри к стенкам прижимаются игрушки и одежда, будто тропические создания, которых держат в плену в мутных аквариумах. Но, по крайней мере, в этой комнате пол прочный. Они купят дочке коврик. Хороший ковер появится позже, когда они смогут себе его позволить на втором этаже.

Еще долго их жизнь будут определять неустроенность и сложности. Тем временем Грейси понадобится кровать, одежда, игрушки в ее собственной комнате. Прошлой ночью она снова спала с ними. Никому не удастся выспаться. Странные сны и разговоры с самими собой. Они продолжают просыпаться и будить друг друга. Так больше продолжаться не может, нужно расселиться.

Через открытое окно доносятся голоса.

Том берет передышку и присаживается на кровать. Усилия, с которыми пришлось тащить ее вверх по лестнице, отдаются теперь в больном плече, спине и локте. Тыльной стороной грязной руки Том вытирает пот со лба.

Снаружи раздается залиvistый смех. Принужденный, возможно наигранный. Этот звук раздражает его.

Они все еще не познакомились с соседями, с людьми, у которых было достаточно удобных случаев зайти и чопорно, но застенчиво представиться. Однако те не показываются на глаза, лишь продолжают украшать свой и без того идеальный сад. Том подозревает, что они намеренно не торопятся установить добрососедские отношения. Возможно, в этом есть оттенок презрения к незнакомцам. Странная сделка с водителем «мерседеса», свидетелем которой он стал два дня назад, не помогла избавиться от сомнений.

Сменив позу, Том ложится поперек кровати так, чтобы его лицо находилось на некотором расстоянии от окна, и выглядывает наружу.

Сегодня на его подъездной дорожке припаркован серебристый японский автомобиль. Он раздражает Тома гораздо больше, чем «мерседес». Подъездная дорожка соседей пуста, а водитель – их гость. Можно припарковаться дальше, там, где дорога расширяется, ниже по склону, за трейлером. Так почему же вы позволяете своим гостям блокировать проезд ваших новых соседей? Территориальный прецедент?

Подстриженная густая шевелюра соседки – первое, что видит Том над неряшливой изгородью. Очередная сделка в начале их собственной подъездной дорожки. На этот раз с полной женщиной лет шестидесяти с небольшим, чьи седеющие волосы удерживает ободок.

Она протягивает соседке коричневый конверт, а взамен получает завернутый в газету сверток размером с буханку хлеба. И эта очередная посетительница отвешивает почтительный поклон, жадно прижимая пакет к груди. Она точно так же, как предыдущая, завершает визит, целуя небрежно протянутую руку соседки. Раболепный жест. Словно та носит кольцо папы римского. Представление пробуждает у Тома то же легкое отвращение, что и в первый раз. «Кто может ожидать от другого человека преклонения?»

– Только психи, – шепчет он и отворачивается.

Но мысли продолжают цепляться за соседей. До переезда он не задумывался о том, кто будет жить за забором. Теперь это незнание делает его беспокойным и раздражительным.

Том слышит рев мотора серебристой машины, когда та выезжает с дорожки. У соседей, должно быть, какой-то бизнес.

Вечереет, и дневной свет меркнет. Первый уик-энд почти окончился, а Том до сих пор и взглядом не обменялся с соседями.

Он устал, у него кружится голова. Нужно поскорее приготовить еду. Наверное, сейчас неподходящее время, но он хочет соблюсти обычную вежливость. Откладывать знакомство дольше кажется неправильным и может добавить еще больше неловкости в этот процесс.

– Я не стану целовать твою чертову руку. – Том смеется и выходит из комнаты, его рабочие ботинки грохочут по половицам.

В квартире они строго следили за тем, чтобы разуваться, прежде чем покинуть крошечную прихожую. Здесь же настрого запретили Грейси снимать обувь из-за заноз, торчащих гвоздей, шурупов, грязи и того, что Фиона определила как мышинное дерьмо. В кухонных шкафчиках этих «черных рисинок» еще больше.

Пока Том спускается по лестнице, далекий перестук пластиковых колес становится громче: коляска Грейси со свистом проносится по голым половицам комнаты, которой предстоит стать гостиной. Дочка всю свою жизнь провела в маленькой квартирке, и Том обожает шум, который она издает, наслаждаясь здешним простором.

Он огибает лестницу и заглядывает в холл. Фиона опять на кухне и, похоже, как обычно, ничего не делает, только угрюмо оценивает очередное запущенное помещение, которое их предшественник оставил недоделанным. Жена сутулится со скрещенными на груди руками, словно мерзнет.

– Здесь то же самое. Он заколотил досками их все. Все окна. В каждой комнате.

Грейси с грохотом влетает в гостиную. Передние колеса ударяются о порог, коляска раскачивается. Дочка запихнула в нее своего пингвина Уоддлса и целую сумку одежды для него, взятой у других кукол. Сумка опрокидывается на пол. Коляска кренится.

Покраснев, Грейси взрывается.

– Уоддлс не хочет сидеть! Он выпадает. Все идет не так!

Фиона вздыхает.

– Не всего добьешься напором, милая. Дай мне минуту, и я тебе помогу.

Том повышает голос.

– Кажется, я только что видел по соседству очередную сделку с «дурыю». Лучше заскочить и представиться. Больше не могу это откладывать.

– Купи мне немного крэка.

Грейси швыряет пингвина в стену.

– Тупость!

Родители продолжают разговаривать друг с другом, хотя неудачу с перевозкой пингвина и его багажа никто не исправил.

Том тянется к защелке входной двери. Приподнимает бровь в ответ на эту вспышку гнева.

– Я заверю их, что мы хорошая, тихая семья.

Фиона хихикает.

– Не забудь про мой крэк.

Грейси не останется в стороне.

– И про мой, папочка! Я тоже хочу. Мамочка, а что такое крэк? Ты его ешь?

8

С самого его детства и до тех пор, пока он не покинул дом в восемнадцать лет, родители Тома налаживали и поддерживали хорошие отношения со всеми своими соседями. Его семья трижды переезжала, и мама часто повторяла, насколько важны связи. В чрезвычайной ситуации тебе могут понадобиться соседи, чтобы вызвать пожарных, полицию, скорую помощь. Покормить твою кошку или собаку, когда тебя нет дома. Возможно, прикупить что-нибудь, если ты заболеешь. Даже присмотреть за твоим ребенком. Доверие, дух товарищества, общность.

В отношениях с соседями была и социальная составляющая: вечерние посиделки его родителей, барбекю, однодневные поездки с соседями и их детьми. Мать до сих пор обменивается рождественскими открытками с несколькими бывшими соседями, которые стали друзьями на всю жизнь.

Том вырос в уверенности, что близкие связи с людьми, которые живут за стеной твоей спальни или гостиной или на другой стороне улицы, входят в стоимость дома. Автоматическое пособие, даже законное право. Среди причин, по которым они уехали из города, было желание найти сообщество, похожее на те, которые давали ему приют в детстве. Того же Тому хотелось для Грейси. Подтверждения для дочки, что ее подушка безопасности не ограничивается родителями. Поэтому даже думать о том, что владение собственным домом ничем не отличается от аренды, невыносимо. Каждый держится сам по себе, люди приходят и уходят без единого кивка, разве что перебросятся словом, но из этого не вырастает ничего серьезного? Нет, это невозможно. Неприемлемо.

Том отправляется с визитом прямо в рабочих ботинках и старой одежде. Вскоре появляется грязный трейлер. Еще одна аномалия. Почему люди, которые с такой одержимостью гордятся своим идеальным жилищем, оставляют рядом с ним подобную развалину? Соседский дом и внешне явно демонстрирует определенный набор стандартов. Это не случайно, он – символ, заявление о статусе. В трейлере же нет никакого смысла.

Тому действительно нужно разобраться с этим вопросом, подумать головой, а затем двигаться дальше. У него и так забот хватает. Быстро обменяться парой слов, а после вернуться к ремонту спальни для Грейси. Тому хочется успеть собрать мебель до вечернего чая.

Ощущение неуловимого перехода от осени к лету на тех нескольких метрах, которые разделяют участки, заставляет Тома взглянуть на небо. Откуда здесь солнце, если над их домом пасмурно от ранних осенних облаков? И хотя соседка уже ушла, ее сад по-прежнему кажется обитаемым, даже необычайно живым. Возможно, это объясняется неистовой активностью насекомых.

Пчелы гудят в воздухе и ударяются о землю разрядами электрического тока. В собственном саду Том не видел ни одной. Или хотя бы буроного мотылька. Однако здесь не только множество пчел, которых хватит заполнить целый ряд ульев, но и павлиноглазок с капустницами. Бабочки разноцветными конфетками мелькают в наполненном ароматами воздухе, присоединяясь к цветочному банкету.

Том протаптывает новую тропинку параллельно подъездной дорожке соседей. Светильники в форме бутонов, которые теснят выбеленные каменные плиты, освещают опилки и пятна грязи на его ботинках. Неодолимое желание задержаться и поглазеть на невероятный сад заставляет его замедлить шаги. В последний раз Том видел такое буйство зелени в ботаническом саду. Ему хочется, чтобы и Фиона на это взглянула и поняла, чего они могли бы добиться. Здесь, должно быть, замечательная почва.

Окна на фасаде закрыты темными шторами, однако входная дверь распахнута, и за ней темнота. На едва различимых стенах чудятся смутные силуэты картин и узоры, Том прищуривается, чтобы лучше разглядеть то, что выглядит маской с клыками.

Прежде чем он успевает подойти ближе, за спиной раздается визгливый голос:

– Да-а-а?

Пораженный Том оборачивается на зов.

И не видит никого и ничего, кроме ухоженных кустарников, неземных клумб и симметричной живой изгороди. До тех пор, пока краем глаза не замечает размытую фигуру, резко выскочившую из укрытия.

Том начинает сначала.

– Черт. Извините. Я...

Враждебный тон собеседницы сопровождается неодобрительным выражением лица. Но вблизи внешность миниатюрной женщины потрясает Тома сильнее, чем то, как она смогла спроецировать свой голос с другого края сада. Пара брошенных издали взглядов не подготовили его к виду своеобразной прически, обрамляющей узкое, свирепое лицо соседки: обретенная копна жестких волос, эдакая луковица цвета хны, скрывающая простое, без макияжа лицо. Похоже, для такого небольшого размера у этой головы слишком много волосинок фолликулов. К тому же соседка не подстригает заросли своих бровей так же старательно, как растения в саду, и, кажется, носит мужскую одежду.

– Мы можем вам помочь? – раздается позади Тома второй голос. Мужской, едкий.

Том переступает с ноги на ногу, а когда поворачивается лицом к мужчине, то чувствует, что зрение мутится, словно он слишком резко встал. Яркое многоцветие и туманный свет, заливающие сад, никак не облегчают дезориентацию. Когда же Тому удастся проморгаться, его взгляд останавливается на...

Пустоте.

Там никого нет. Лишь сад и дорожка, вьющаяся среди дубов, ясеней и буков.

Наконец, из другой части соседских владений, противоположной той, откуда раздался голос, выныривает вторая фигура. Мужчина торжествующе улыбается и явно доволен тем, что напугал посетителя.

Удивление Тома тут же распространяется на столь же абсурдную, как у соседки, внешность соседа. Прежде над живой изгородью шелестел его сочный голос, но Том впервые увидел собственными глазами мужскую половину этой семейной пары. Расшитый жилет с замысловатым рисунком насыщенных синего и красного цветов, прикрывающий свободную льняную рубашку. Узкие розовые брюки. Верх ботинок кажется плетеным. А лысина у соседа клоунская – блестящий купол между двумя пучками ниспадающих на плечи ухоженных волос. Его белоснежная борода аккуратно подстрижена, как у драматурга эпохи короля Якова. Тонкие губы, обрамляющие ряд темных, нездорового вида зубов, влажно шевелятся. И, видимо, по умолчанию на лице настроено ухмыляющееся выражение.

Сбитый с толку Том переводит взгляд с соседа на соседку: ухмыляющийся мужчина, осуждающая женщина. Палисадник не больше десяти квадратных метров и огорожен с обеих сторон живой изгородью, так как же им удалось спрятаться? Или он был слишком занят, чтобы заметить соседей, пока те на коленях облагораживали цветочные клумбы?

Мужчина, по крайней мере, выдает что-то вроде улыбки. Том неуклюже поворачивается к нему.

– Гвоздики! – визжит женщина. – Вы топчете их!

Том замирает. Смотрит под ноги.

– Простите. Я...

– Там, где вы, все в порядке, – произносит мужчина и на цыпочках семенит между растениями к Тому. По обеим сторонам орехово-коричневой головы соседа развеваются и колы-

шутся волосы, точно морские водоросли в каменном бассейне. Самоуверенное лицо оказывается нос к носу с Томом, холодные голубые глаза мужчины мерцают веселым презрением.

Том протягивает ладонь.

Вместо рукопожатия мужчина похлопывает Тома по пальцам. С неохотой.

– Я – Том. Моя жена Фиона и...

– Мы знаем, кто вы такие.

Краткий ответ приводит Тома в замешательство, и он тщетно перебирает в уме причины, по которым новые соседи могли расстроиться. Или подобное неодобрение они проявляют ко всем незнакомцам?

– Вам есть над чем потрудиться. – Мужчина кивает на дом Тома, при одном виде которого на его лице появляется презрительное выражение. В насмешке сквозит излишняя фамильярность, словно он повторяет здравый совет, к которому Том в первый раз не прислушался. Не утруждаясь тем, чтобы ради знакомства завести светскую беседу, этот нелепый персонаж, голова которого больше подходит для сцены в Стратфорде-на-Эйвоне², звучит вполне искренне.

Том чувствует, как неприятное тепло заливает кожу головы. На миг ему кажется, что каждый его волосок встал дыбом.

– Все это нужно было давно снести, – произносит женщина, и ее отрывистый говор вновь поражает своей неестественностью.

Том смотрит на сердитое лицо соседки, но от ее свирепого взгляда мысли превращаются в стаю перепуганных птиц. Он опускает глаза и сосредотачивается на подбородке женщины, морщинистом, точно грецкий орех. Том с отвращением смотрит на соломенную шевелюру, напоминающую перевернутую миску, и вспоминает картинку с рыцарем из детской книжки: тот снял стальной шлем, обнажив похожую шегольскую прическу. Уж не стригут ли соседи друг друга?

Теперь они оба пьются. На него. В него. Смотрят и смотрят пронзительными голубыми глазами, пригвоздив Тома к месту, а он молча корчится, ощущая физический дискомфорт. У его соседей совершенно одинаковые глаза.

Перед его взглядом все плывет. Тому жарко, он задыхается, у него кружится голова, нервы шалют, и эти ощущения становятся невыносимыми. Из-за распаленного гнева краски сада кажутся ярче, пока не делаются запредельными.

Радостная ухмылка лысого мужчины становится только шире. Женщина хмурится, ее морщинистая нижняя губа отвисает, когда соседка ухватывается за возможность бросить неодобрительный взгляд на дом Тома, словно это здание оскорбляет общепринятые правила приличия.

– Не могут два участка быть более непохожими.

Горло Тома превращается в дренажную канаву, забитую мокрыми листьями. Ему нужно сглотнуть, но он этого не сделает, поскольку тем самым зримо докажет, что его расстроила эта попытка пристыдить. Том чопорно выпрямляется.

Мужчина расцветает, его напористая злоба сочетается со змеиным блеском в глазах.

– Всегда так было. Но ведь мы всегда делали правильный выбор, не так ли, моя дорогая? Разные стандарты.

Щеки Тома краснеют, как от пощечин. Он так себя не чувствовал с тех пор, как в двадцать один год на первой работе менеджер наложил на него взыскание. Внутри оживает то ощущение, которое он испытывал, когда его ругали в школе, пока, наконец, бесконечная ухмылка соседа не избавляет Тома от вынужденной вежливости, которой он придерживается, находясь на их территории, на их земле.

² Родной город Шекспира.

– Еще раз, что?

Его голос звучит выше и резче, чем было задумано, а мысли продолжают бунтовать. Но желание дать сдачи, противостоять нарастает с новой силой.

Соседка указывает худой рукой в сторону своего дома.

– Забор позади – первое, на что вам нужно обратить внимание.

– Самое время, – добавляет мужчина начальственным тоном, приподнимаясь на цыпочки. Спектакль завершается назидательным и жалостливым покачиванием головы, копна белых волос колышется над торжествующей ухмылкой. Баллы набраны.

Та часть разума, которая отвечает за речь, остается оцепеневшей, скованной льдом. У Тома нет слов. Странный паралич сбивает с толку. Том не в состоянии выдавить из завязанной узлом гортани ничего, кроме «что?». Ему остается гадать, на кого он больше сердится – на соседей или на самого себя из-за того, что смог лишь остолбенеть.

Лицо женщины окрашивается в более яркий алый цвет, под стать нелепой копне волос.

– Забор. На заднем дворе. Вы, конечно, заметили, что он в ужасном состоянии?

– Я бы не сказал, что не заметил, – выдавливает Том грубым тоном.

Он обратил внимание на полуразрушенный и позеленевший ужас, разделявший участки позади дома. И предположив, что соседи, наверное, уже привыкли, не придавал этому значения. По его мнению, принципиальнее было то, что, если бы соседи не посадили у самой границы ряд декоративных деревьев, столбы и панели забора не разваливались бы. В любом случае, в порядке вещей, которого Том придерживался, не находилось причин отклоняться от плана ради косметического ремонта забора. Тот оказался за рамками бюджета и был последней вещью, которой Том собирался заняться.

Сосед снова встает на цыпочки, складывает руки на поясице и возражает с несколько свиным видом:

– Слишком долго не замечали.

Том перестает вертеться в этой западне, но по-прежнему не хочет переставлять ноги, чтобы не растоптать бесценные цветы. Они тут повсюду. Газона почти нет, и лишь один-два плоских камня дают хоть какую-то надежду выбраться. Все равно что наткнуться на минное поле. Соседи, должно быть, скачут здесь странными сердитыми птицами. А он заперт в ловушке.

Адреналин медленно отпускает, и конечности, наконец, расслабляются. Челюсти Тома разжимаются.

– Послушайте...

– Слева. Ваша сторона. Ваша ответственность. Первостепенная! – Акцент женщины настолько усиливается, что на последнем слове ее язык шепелявит «первоштенная».

Том свирепо смотрит на нее.

Она свирепо смотрит в ответ.

– Бельмо на глазу! Все нужно менять! Все панели и столбы. Используйте бетон. Дерево сгниет.

С другой стороны, мужчина излучает позитив, пока его жена распекает Тома.

– Вашему предшественнику это так и не удалось. Надеюсь, вы можете себе это позволить?

– Еще раз, что?

– Это ваш первый дом, не так ли? Немного поздноват, а? Надеюсь, у вас глубокие карманы.

Том, наконец, срывается.

– А насколько глубокими были ваши, когда вы за пару штук купили свой дом? Когда бы это было, в семидесятых?

Соседу нечем ответить, кроме отвратительной ухмылки, которая, по крайней мере, уже не так самоуверенна. Но прежде чем Том успеваешь воспользоваться едва заметным изменением баланса сил, вмешивается женщина. Ее голос звучит еще резче, чем раньше.

– Ваш забор падает на наши деревья! Позор! У нас в деревне нет сломанных заборов.

Быстро вернув себе положение, ее муж использует шанс нанести подлый удар, поднырнув под первое оправдание Тома.

– Не экономьте и на высоте панелей. Нам нравится *наше* уединение.

Левое веко Тома непроизвольно подрагивает, он чувствует, как в его эмоции вторгается вина. Неуверенность. И все же не может придумать ответ на двойную атаку и то, что, наверное, можно посчитать извержением всех обид на соседей, которые успела накопить эта пара. Но их поведение неприемлемо, и скоро единственная реакция, которую он сможет предложить, – это яростный животный рев. Том даже чувствует, что готов плюнуть им в лица.

И они прекрасно осознают его чувства. Это хуже всего. Том интуитивно догадывается, что его неловкое положение забавляет этих людей и даже заряжает энергией. Они не выказывают ни малейшего желания прекратить насмешки, а тень их довольства заставляет Тома похолодеть. И холод все усиливается, пока Том не замечает краем глаза долгожданное появление Фионы. Она, наверное, подслушивала. Он оставил входную дверь открытой, когда пошел к соседям.

На лице Фионы натянутая улыбка, за которой прячется сдерживаемое раздражение. Работая кассиром в банке, его жена привыкла иметь дело с грубой, глупой, несчастной, обиженной публикой.

– Послушайте-ка, мистер... – Она проскальзывает между Томом и соседом, образуя живой щит перед своим загнанным в угол мужем. Они превращаются в единое целое на крошечном клочке свободной травы.

Тут же появляется соседка, шокированная видом обнаженной плоти Фионы. На той джинсовые шорты и жилетка, на ногах пара старых кроссовок, в которых она работает среди теплых грязных стен их дома.

Однако сосед похотливо ухмыляется, не в силах сдержаться, и с нескрываемым аппетитом разглядывает голые ноги молодой женщины. Нагло, на глазах у Тома, урод ползет взглядом вверх по телу Фионы и задерживается на ее грудях.

– Мут, – представляется он, с усмешкой пялясь на округлости под жилетом.

Бах! За спинами Тома и Фионы словно грохнуло ружье. Оба вздрагивают.

– Господи! – произносит Фиона.

Они поворачиваются к источнику шума. Входная дверь Мутов закрыта, это ее захлопнули с таким шумом. Соседка исчезла из сада.

В ушах звенит. Том и Фиона ошеломленно оборачиваются обратно к мистеру Муту.

Который ухмыляется, наслаждаясь их шоком.

Том пытается заговорить.

– Я не...

Фиона перебивает.

– Мы внесем забор в список дел, мистер Мут.

– Маги Мут.

– Хорошо. Но это очень длинный список. Я уверена, что вы примете данный факт во внимание. Это место долгое время находилось в плачевном состоянии. И после того, что случилось... Да? Вы поймете, сколько работы нам предстоит. Так что вам придется набраться терпения.

Фиона смотрит на Тома, затем кивает в сторону их дома.

Маги Мут поворачивается к ним спиной. И так стремительно, что Том вздрагивает, как если бы этот тип размахнулся для удара. Но Маги Мут, если это вообще его настоящее имя,

легко, словно танцор, ступая на цыпочках, небрежно пробирается обратно в ту часть сада, где работал. Не глядя ни на Тома, ни на Фиону, он невозмутимо садится на корточки, и его секаторы опять начинают подрезать растения, что приводит Тома в куда большую ярость, чем пережитая только что буря. Эту ярость распаляет еще и то, что жене пришлось его спасать. До чего же унижительно. Остолбеневший Том молча разводит руками, делясь с Фионой своими удивлением и ошарашенным недоумением.

Приподняв бровь, она смотрит на руки мужа и кивает.

– Да, шкаф Грейси примерно такого размера. Давай продолжим.

Том, кажется, по-прежнему не может пошевелить ногами, пока осталось еще столько невысказанного. Но затем Фиона сжимает его предплечье и шепчет:

– Убедить их, что мы хорошая, тихая семья?

Приступ стыда возвращает, наконец, жизнь его мышцам, и Том подстраивается под шаг жены. Но когда они покидают иллюзию лета и возвращаются к серости, жухлой зелени и облупившемуся фасаду, безрассудный попутный ветер уверенности внезапно придает ему сил. У Тома кружится голова.

– Что за пара придурков! – Его голос, возможно, долетает до самой деревни.

Фиона поворачивается.

– Шшш. Не делай еще хуже.

– Ты все слышала?

– В нашем устройстве мира Фред и Роза³ – это мелочь. Иди и посмотри, что я нашла под кухонной раковиной.

– Что?

– Мышиную базу.

³ Фред и Роза Уэст – семейная пара английских серийных убийц.

9

Неделей позже.

Еще один долгий, шумный день почти закончился, и большинство игр, в которые Грейси пытается играть дома, заставляют ее маму и папу повторять: «Не нужно», «Положи», «Это не игрушка», «Будь осторожна», поэтому она направляется в сад.

Грохочущие колеса игрушечной коляски бьются о половицы. Иногда сминают или вырывают серые комки пыли, которые постоянно появляются, сколько бы мама ни подметала.

– «Пыльные кролики», – говорит мама, и Грейси думает об огромном кролике, который живет под домом, и его старой шерсти, торчащей из щелей. Иногда она представляет, как из дыр смотрят большие глаза.

Крепко пристегнутый сын Грейси – пингвин Уоддлс – сидит прямо и внимательно разглядывает новую обстановку. Под крылом у него примостилась плюшевая мышка. Уоддлс – игрушка Грейси, мышка – игрушка Уоддлса.

Они мчатся мимо дверных проемов. Комната с телевизором полна пакетов, хранившихся раньше в шкафу их квартиры, кроме них там пылесос, настольные игры и обувь. Вчера в «новом доме» она спросила маму, могут ли они «пойти домой», в их квартиру, а мама попыталась не заплакать.

От вида картонных коробок с написанными на боках названиями продуктов у Грейси текут слюнки. Пластиковые ящики составлены, будто разноцветные кубики, и окружены банками с краской и бутылками с ядами, к которым ей нельзя прикасаться. Грейси позаботилась о том, чтобы и Уоддлс об этом знал. Диван и два стула из их прежней квартиры выглядят такими же испуганными и потерянными, какой почувствовала себя Грейси, когда пошла в школу.

Внутри этого дома есть полости, норы, пещеры, тайники и лабиринты в больших комнатах. Но ей сказали не ставить палатки, потому что все здесь нужно снова двигать. Папа в пластиковом комбинезоне как у астронавта отрывал от пола вонючие ковры, скатывал их и выносил в сад.

Грейси жаждет глянуть на мышей. Они – последнее, чего хочется видеть ее мамочке. Грейси каждые пять минут проверяет ловушки – серые пластиковые ящички внутри кухонных шкафов.

В первый день родители шептались о «мышках», и папа говорил о «ловушках», когда думал, что Грейси «вне пределов слышимости». Но она подслушала и расстроилась. Хотя, по словам папы, ловушки нужны только для того, чтобы поймать мышей, а потом он отнесет их в лес, где они найдут себе новый дом.

– Ты же не хочешь, чтобы они какали в твои чипсы.

Она, Уоддлс и Пушистик под визг колес проносятся по кухне. У линолеума цвет куриного супа-пюре, но он пахнет «мышинной мочой». Пингвин Уоддлс смотрит вперед на своем полосатом сиденье, и они выбирают в сад, когда солнце уже опускается к остроконечным крышам густого леса.

Над Грейси скрипит окно. Сад позади дома еще более заросший, чем перед крыльцом.

Мама кричит:

– Грейси! Оставайся там, где я смогу тебя видеть! – Лицо у нее перемазанное.

– Ага!

Когда у мамы с папой щеки как помидоры, а папа говорит грубые слова, Грейси старается держаться подальше. Родители пытаются освободить шкаф, который застрял на лестнице. Он торчит там всю неделю с прошлых выходных, и приходится сжиматься, чтобы его обойти. Поэтому каждый раз перед сном родители передают друг другу Грейси над этим препятствием.

Только что мамочка прищемила палец и закричала папе:

– Твоя сторона. Твоя сторона.

Теперь папа говорит маме, что ей делать. Их голоса доносятся из темноты верхнего этажа, но здесь, в саду, звучат близко, словно с кухни.

Папа все еще в плохом настроении после похода к соседям в прошлые выходные. Когда Грейси в школе и он заводит свою электропилу, соседи бьют по стенам со своей стороны. Дядя с прической клоуна приходил и жаловался на плющ, который проползает под забором в соседний сад. Их гости продолжают бросать машины поперек дорожки и даже заблокировали ремонтника, который приходил чинить крышу. И это тоже была плохая новость, из-за которой мамочка выглядела так, будто сейчас упадет в обморок.

Она постоянно занята и велит Грейси «развлекать себя самой», а сегодня винит папу за ушибленный палец. Когда папа сердится и мама сердится, Грейси начинает плакать.

– Я не могу.

– Налево. Налево!

– Иди знаешь куда?! Кровать мешает.

Это грубые слова. Лучше быть в саду.

Грейси собирает полевые цветы и похожие на латук травы на краю патио. Оно напоминает палубу корабля, который тонет в волнах зелени.

Грейси кладет букет в коляску, чтобы за ним присмотрел Уоддлс.

Арчи азартно роет новую яму возле забора. Маленький кратер в черной земле. Там извиваются черви. Разбегается тля. Арчи вырыл уже три ямы. Никто не знает зачем. Всякий раз, когда задняя дверь открывается, чтобы впустить немного свежего воздуха в плохо пахнущую кухню, Арчи пробирается между ног хозяев и мчится в сад. Сегодня он провел снаружи целую вечность. Грейси догоняет щенка и заправляет ему под ошейник желтые цветы.

В дальнем краю сада забор между ее домом и симпатичным домиком, который принадлежит «грубым ублюдкам», как называет их папа, сломан. Грейси заглядывает сквозь щели в соседский сад. Отсюда она словно рассматривает страницу из книги сказок, сцену, наполненную огнями и красками, которые благодаря волшебству становятся ярче.

Там есть статуя мистера Тумнуса из «Льва, Колдуньи и платяного шкафа», но с противным лицом. Мистер Тумнус возвышается над черным прудом, в котором могут водиться лягушки. Возможно, все они носят красные жилеты. Жаль, что соседи «грубые ублюдки» или, как говорит мама, «забавные старики», а то Грейси хочется пойти к ним в сад, нарвать цветов и поглядеть на лягушек и рыб.

Некоторое время она стоит неподвижно и разглядывает соседский сад. А когда начинает чувствовать, что и цветы ее разглядывают, то возвращается к яме. Арчи тем временем не отвлекался и копал.

– Клад, Арчи! – Грейси опускается на колени. Лезет в дыру и обеими руками вытаскивает из влажной почвы тускло мерцающий предмет. – Такой тяжелый, Уоддлс. Помоги мне, Арчи.

Грейси тянет на себя кусок металла, который пачкает ее ладони скользкой грязью. Странная штука длиной с кирпич, а толщиной с большую плитку шоколада. Присев на корточки, Грейси пальцами соскребает с нее землю. Под липкой грязью бугристая поверхность, на одной из сторон какие-то буквы. Надпись, которую девочка не может прочитать. Арчи обнюхивает предмет, затем срывается с места и мчится в конец сада, где лес вздымается волнами и разбивается о покосившийся забор.

Грейси роняет металлическую табличку и бежит следом за щенком, пока не оказывается перед кривыми воротами, где кружит Арчи.

– Ты не должен обижать кроликов, Арчи. Только поздоровайся и скажи им, что теперь здесь живу я.

В высокой траве валяется большой ржавый висячий замок и еще более ржавая скоба.

Грейси тянет калитку. Петли визжат, и это забавно отзывается в костях девочки. Маленькая дверца открывается. Гнилая створка дрожит, скребет сорняки. Грейси открывает шаткую калитку шире, чтобы посмотреть, не бегают ли среди деревьев кролики.

Однако вместо этого ее внимание привлекают металлические украшения, привинченные к калитке снаружи. Похожие на ржавые насечки, они обращены к лесу и напоминают другую историю из книги сказок. Историю о ведьме. Там на картинке зеленая дама, которую мама прикрывает рукой, чтобы, лежа ночью в постели, Грейси не думала о таком страшном лице.

К растрескавшемуся дереву ворот приделаны железные крестики. Вместе они образуют один большой крест, похожий на те, что стоят на церквях. Грейси проводит пальцем по одному. Поверхность металла шероховатая. Девочка прикасается к другому. Третьему. Еще к двум. Если папа снимет их с ворот, она сможет хранить их в своей шкатулке для драгоценностей.

Арчи несется к лесу. Пушистая пуля, взмахивающая обручком хвоста.

Грейси поднимает взгляд. Так много деревьев. Воздух влажный от запаха мокрых листьев, во рту появляется грибной привкус. Пахнет чем-то старым и сладковатым, как от компоста бабушки. Не очень приятно. Но и не противно. Пахнет зимой.

Угасающий свет острыми шипами цвета олова падает на серебристые ветви, темно-зеленые листья, кудрявый коричневый кустарник и бледную крапиву с покрытыми пушком листьями, которые жалят ноги. В остальном лесу ночь. Между стволами и низкими ветвями ежевики, которой заросли обе стороны тропинки, уткнувшись носом в землю, рысью бежит Арчи.

У Грейси покалывает в животе. В этом лесу живет магия. Дальше будут норы и полянки, домики на деревьях и узкие дорожки золотого света, которые охраняют певчие птицы. Еще там водятся лисы, кролики, барсуки и, может быть, львы, сбежавшие из сафари-парков. Грейси чувствует себя маленькой, напуганной и до того возбужденной, что ей хочется писать.

Скоро она сможет приходить сюда, когда захочет. Они потому и переехали, чтобы она могла играть в лесу. Тут у нее будет свой домик со стульями, чтобы могли приехать Бен, Авни, Амайя и Изабель. Так сказал папа.

– Арчи!

Грейси вынимает из коляски Уоддла. Его большие голубые глаза выглядят такими же испуганными, как и ее собственные. Грейси успокаивает своего пингвина.

– Ворота открыты. Нас нельзя запереть снаружи, Уоддлс.

Она делает несколько шагов по тропинке между гигантскими деревьями, которые пристально смотрят на нее. Возможно, они затаили дыхание и вот-вот заговорят. Когда Грейси представляет, как оказывается на верхних ветках, ей становится нехорошо.

Она не видит пса, но слышит, как тот рыщет впереди.

– Арчи! Арчи!

Щенок лает, но не возвращается. Грейси волнуется, что ей достанется за открытые ворота и потерю собаки. И торопливо идет вперед.

Запах холодной земли туманит разум, окрашивая мысли в темный цвет, словно ее голова – это банка с водой, в которую бросили отмочать кисть. Между деревьями во всех направлениях прорыты туннели. Грейси думает, что этими маршрутами кролики скачут друг к другу в гости, чтобы повидаться, поделиться едой и поглядеть на соседских детенышей. Ее так и подмывает найти норку и заглянуть внутрь, чтобы оценить, насколько зверьки ручные. Но как бы ни было здорово, чтобы они свободно приходили в сад, пачкать ладони и колени ей не хочется.

Над головой Грейси раздается шорох и *клай-клай-клай*. Она поднимает взгляд и смотрит на блестящий плющ, который обвивает белые стволы и ветви, одевая деревья в зеленые брючины и рукава. Там, где плющ заканчивается, костлявые ветви паучьими лапками тянутся к облакам. Верхушки деревьев пушистые и торчат, будто растрепанные ветром волосы. Новых

листьев столько, сколько звезд на небе, они разрастаются и шумят, точно морской прибор. Тусклый свет застилает мир сумерками.

Грейси оглядывается через плечо на сад и сквозь переплетение веток видит дом. Пока папа его не отремонтирует, там будет страшнее, чем в лесу. Она все еще слышит голос мамы, а значит, ушла недалеко. И теперь, когда Грейси по-настоящему в лесу, она не так сильно нервничает. Рядом никто не крадется и не хлопает крыльями. Все по-прежнему. Прохладный воздух приятен до дрожи, а запах леса напоминает о фейерверках, жареной свинине на булочке и о том, как она помогала бабушке собирать в тачку скользкие листья.

В Англии нет ни волков, ни медведей, да и Арчи заметит любое существо больше мыши. Ночь не за горами, но тут лишь одна дорога и по ней легко вернуться. Нужно только заглянуть за поворот, а если Арчи там не окажется, то сходить и привести папочку, чтобы Арчи не заблудился.

Грейси видит снег, и у нее перехватывает дыхание.

По обе стороны дорожки кустарник и крапива редуют, уступая место восковым листьям цвета лайма и белым пятнам, которых больше, чем она успеет сосчитать до своего десятого дня рождения. Белые пятна устилают землю до самой темной дали. Косматые стволы деревьев тянутся к небу из этого зелено-белого пенистого моря и наклоняются, как ноги людей, которые переходили брод и потеряли равновесие.

Пока Грейси приближается к этому белому чуду, снежные пятна превращаются в великое множество цветов. Она склоняется, и ее голова наполняется чистым ароматом репчатого лука и лука-порея. Когда кружево крошечных лепестков становится четче, каждый цветок оказывается прекраснее всего, что Грейси когда-либо видела.

Она собирает цветы, пока не отвлекается на голубой туман, висящий там, где упало дерево. Тропинка приводит ее ближе к этой странной сине-фиолетовой дымке.

Это оказывается не туман, а еще больше цветов. Синих. Среди их волн все еще встречаются белые. Увитые плющом древесные ноги теперь шагают по океану крошечных голубых и белых цветов, таких поразительных, что у Грейси кружится голова. Она представляет себе огромную толпу крохотных человечков в белых или синих шляпках. Человечки обступили ноги гигантов, а те стараются их не раздавить.

Каждый маленький голубой цветок – это шляпка феи. Грейси срывает несколько для своей мамочки. Затем вспоминает про Арчи, но вокруг так странно и незнакомо, что не хочется громко кричать.

Когда синие цветы редуют и превращаются в россыпи странных пучков тут и там, тропинку вновь преграждают низко висящие ветви, а вместе с ними заросли крапивы и терновника. Некоторые сочные красные ягоды чудесно смотрятся на покрытых заостренными «рождественскими» листьями кустах, но они, наверное, ядовитые, ведь их не едят птицы. Которые в глубине леса ведут себя более шумно. Распевают песни тревоги на верхушках деревьев, сообщая друг другу, что к ним забралась девочка с собакой.

Грейси уже не видит дом, из-за чего в животе у нее бурлит, как в банке с газировкой. И попу покалывает, как от желания сходить по-большому. Ей действительно хочется в туалет. Но она пройдет чуть-чуть дальше. Еще за один поворот.

За ним Грейси видит светлое и открытое пространство. А вот и Арчи! Кружит по свободной от деревьев поляне, которая появилась до того внезапно, что Грейси опешила и даже подумала: не кончился ли лес совсем? Но нет, за поляной тот делается еще гуще, а здесь прерывается лишь ради ровной лужайки, окружающей идеально круглый купол зеленого холма размером с трейлер. Закатное солнце проливает на него последние лучи.

Грейси бежит вперед, затем останавливается. Перекладывает Уоддлса с одной руки на другую и с изумлением смотрит на то, что находится на этой странной, окруженной деревьями поляне. Кажется, что она видела это место раньше. Но ведь такого не может быть.

Еще ее одолевает вопрос: не живет ли кто-нибудь под холмом? Это, наверное, сад с оградой из деревьев. Поросший травой холмик напоминает ровные зеленые круги с флажками на поле для гольфа, где ей не разрешали ходить на руках. А еще он точно такой же, как «курган» в сказке, что читал ей папа, – про фей и мальчика, который отправился к ним жить. Мальчик не рос, а когда вернулся, вся его семья была уже в могилах.

Подножие холма окружает протоптанная в траве тропинка. Арчи с громким фырканием обнюхивает ее, будто там разбросаны собачьи лакомства.

Пораженная тишиной, напоминающей о церкви, в которую они ходили на похороны дедушки, Грейси заходит в круг.

По его краю стоят замшелые каменные столбы, они будто люди, обратившиеся в камень прямо в лесу. Один, два, три, четыре, пять... десять!

Грейси с Арчи обходят поляну, словно стрелки на циферблате странных старых часов из земли и камней. Круг за кругом. Маленький холм будто заставляет так поступать, непонятно почему.

После трех полных оборотов Грейси кладет Уоддлса на ближайший камень. Затем садится на соседний, самый низенький.

– Здесь наша избушка. А это наши стулья.

Между камнями в блестящих горшочках растут красные цветы. Грейси заглядывает внутрь ближайшего горшка и замечает маленький череп. Она достает его и засовывает в карман.

Один камень больше остальных и стоит в центре открытой небесам тихой поляны. Он напоминает Грейси стол, за которым стоит священник в церкви. Алтарь. Срезанные цветы разноцветным париком покрывают его поверхность.

Привлеченная их обилием, Грейси подходит ближе.

Камень сверху плоский и, должно быть, стоит здесь в память о ком-то.

– Уоддлс, тут кто-то умер.

Арчи скулит и не идет за ней к камню.

Грейси смахивает цветочные стебли и обнаруживает, что на валуне есть углубление. Внутри него, будто объевшиеся слизни, ползают шумные мухи. Они возятся в черных пятнах внутри «чаши».

Грейси морщит нос, а когда отходит, слышит голос и подпрыгивает, словно кто-то подкрался к ней сзади и крикнул: «Бу!»

«Голос. Или это у тебя в голове? Голос или просто твои мысли?»

Ей словно протерли лицо изнутри холодной фланелью. Грейси чувствует, как отливает кровь, а голова кружится, точно она резко встала после того, как долго сидела со скрещенными ногами.

Некоторое время она вся дрожит, затем шок проходит. Теперь ей кажется, что голос звучал скорее внутри ее головы, а не снаружи. Постепенно страх сменяется любопытством и желанием узнать, кто же это говорил, ведь голос не был злым.

Вот он снова, и звучит так, будто какая-то леди шепчет за деревьями. Или, может быть, за камнями, или даже внутри холма. В нем может оказаться окошко или дверь.

Грейси отвечает на вопрос леди. Или, возможно, это всего лишь навязчивое ощущение, что ей следует представиться.

– Грейси, – говорит девочка и привычно выдает информацию, которая, по ее мнению, интересна всем незнакомым людям. Называет свой адрес. А дальше: – Я учусь в школе. Мой класс называется «Пескарики». Мою учительницу зовут мисс Коллинз.

Вокруг никого. Грейси снова сомневается, что слышала голос леди за деревьями. Возможно, все было только в голове и она сама вообразила чьи-то слова? Пока она пытается

понять, могут ли голоса просто возникать в голове, леди удаляется все дальше, но не исчезает за деревьями, а проникает глубже в уши Грейси.

Вопросы обрушиваются на нее журчащим фонтаном, и появляется ощущение, будто кто-то смотрит на ее лицо изнутри. Она точно знает, что сказать, потому что чувствует этот взгляд, даже не видя глаз.

«Ты потерялась?»

– Нет. Мы сюда переехали. Я живу внизу в доме с мамой и папой.

«Может ли маленькая собачка укусить?»

– Он нормальный. И никого не кусает.

«В твоём доме есть братья или сестры?»

– Нет, только мама, папа и я.

«Кто так шумит?»

– Мой папа. Он все чинит. Он умный.

Из-за холма раздаётся другой голос. В нём нет ни музыки, ни очаровательного шепота. Он резок, громок и очень быстро приближается.

– Нет. Нет. Нет.

Грейси задерживает дыхание. Оборачивается.

И видит соседку со стрижкой, напоминающей рыжий мотоциклетный шлем. Старуха крадётся к ней с вытянутыми руками. Ведьма со странными волосами.

Грейси оступается, словно ее ноги задремали.

На ее плечах смыкаются тонкие холодные пальцы. Старуха смотрит не на Грейси, а через ее плечо, будто увидела на поросшем травой холмике привидение.

Взгляд сердитых голубых глаз опускается на Грейси.

А вот и сосед с такой же странной причёской клоуна. Он нервно расхаживает на краю поляны, будто Арчи у входной двери, когда ему нужно сделать «свои дела».

Мужчина пытается улыбнуться Грейси. В его «бороте Санта-Клауса» темнеет рот. Кажется, будто сосед сосал лакрицу.

Грейси плачет. Чужаки спугнули леди с мягким голосом, которую можно было слушать весь день. Из-за соседей Грейси чувствует себя в беде. И теперь она так напугана, что ее тошнит, а голова делается пустой и кружится. Еще немного, и сдуется, как воздушный шарик на ветру.

– Я ничего не делала. И ничего не брала, – хнычет Грейси. Череп в ее кармане кажется тяжелым, как кирпич. – Мои мама и папа, – добавляет она, чтобы хоть как-то защитить свои трясущиеся коленки.

Ведьма не слушает. Она оглядывает поляну, кого-то высматривая.

– В круг нельзя. Никогда не заходи внутрь круга, моя дорогая, – говорит старик с головой менестреля с картинки из книги сказок.

На соседе желтые брюки, а Грейси никогда раньше не видела, чтобы мужчина носил брюки лимонного цвета. Это настолько отвлекает ее от собственных страданий, что она начинает гадать: не женские ли на нем штаны? У нее самой есть желтые. Может, старик не знает, что это женские брюки, и надел их по ошибке. Его жена, наверное, тоже ошиблась, потому что на ней мужская одежда.

Красноватая копна волос наклоняется вперед. Глаза у соседки цвета треснувшей голубой чайной чашки, покрытой сердитыми красными червячками. Ее лицо сморщенное, будто мокрая простыня, которую только что вытащили из стиральной машины. Соседка очень злится, свою школьную учительницу Грейси никогда такой не видела.

– Уходи. Уходи. Вон! – говорит старуха. Она утаскивает Грейси от алтаря по огибающей холм тропинке и выводит из круга.

Дергающие руки и злобное лицо – это слишком, теперь Грейси ревет и не может думать ни о чем, кроме мамы, к которой отчаянно хочет прижаться. Из-за рыданий у нее не получается нормально дышать, а еще кажется, что земля под ногами исчезла и Грейси уносит прочь от всего, что делает ее счастливой.

Она помнит картинки и отрывки из фильма, который показывали в школе. О том, как говорить с незнакомцами, у которых в машинах есть сладости, и мужчинами, которые заходят в твое «личное пространство». Теперь, кажется, слишком поздно все это вспоминать, и ее мысли разлетаются вспугнутыми птицами.

Сосед наклоняется, его заросшее уродливое лицо слишком близко и проникает сквозь панику и замешательство Грейси, чтобы разжечь их еще сильнее. От его дыхания пахнет прудом, а зубы цвета коричневого риса торчат вперед, будто у акулы. Как он может жевать такими зубами? Старик улыбается, глаза у него искрятся, они могут казаться добрыми.

Он касается мягким пальцем щеки Грейси.

– Ты не должна ходить в эти леса, моя маленькая пуговка.

– Они кое-кому принадлежат, – говорит соседка и отпускает ее плечо.

– Да, кое-кому очень старому, и ей нужно спать.

Арчи скулит у ног Грейси, и ведьма-соседка смотрит на него так, словно только что наступила на одну из горчичного цвета какашек щенка.

Сосед смотрит на спаниеля и кривится, будто случайно съел чеснок, спрятанный в соусе для спагетти, хотя папа обещал не класть его в еду.

– И открою тебе секрет, – говорит соседка с прической-луковицей. – Она не любит собак. Это ее дом, и она не хочет, чтобы ее беспокоили. Ты понимаешь?

Грейси кивает. Она согласится на что угодно, лишь бы ее отпустили. Как в тот раз, когда мальчишки на велосипедах приехали на игровую площадку и подрались друг с другом, сбив с ног нескольких малышей.

Вдалеке ее зовет мама очень высоким и визгливым от беспокойства голосом.

Старик снова улыбается.

– Иди. И собачку заведи.

Ни Грейси, ни Арчи не нужно просить дважды. Они бегут прочь от круглой тропинки в траве, от холма, от странного голоса и от ужасных колдунов-соседей с цепкими руками, странными волосами и вонючим дыханием. Только игрушечный пингвин Уоддлс остается возле холма, камней и красных цветов.

Позже Грейси представляет, как он, наверное, смотрел ей вслед, сидя в одиночестве на каменном стуле.

10

– Все уже закончилось, милая. Мама не хотела кричать. Она просто переволновалась. – Фиона, закрыв глаза, прижимается щекой к макушке Грейси. – Держись подальше от леса. Можешь вместо этого помогать нам приводить в порядок дом и сад.

Грейси сидит на табурете, сморкается и вытирает последние слезы. Она прижимается к матери и получает от этого огромное удовольствие, смешанное с жалостью к себе из-за испуга и из-за того, что ее отругали. Фиона крепко обнимает дочку. Гладит маленькую спинку. Целует в лоб.

Том ополаскивает в раковине свинцовую табличку, которую Арчи и Грейси выкопали в саду. Подняв эту вещицу к свету, он изучает ее поверхность и проводит кончиками пальцев по странным отметинам, а затем кладет на кухонную столешницу рядом с черепом кролика, который вытащил из кармана дочки.

– Очень старая. – Он говорит сам с собой, но хочет, чтобы услышала Фиона.

Та не отвечает. Том, отряхивая мокрые руки, оборачивается и кивает на стену.

– Они не владеют лесом. Это общественная земля.

Фиона бросает на него пристальный взгляд, но Том настаивает на своем и обращается к Грейси негромким голосом:

– Лес и твой тоже, мой орешек. Мы в основном из-за него переехали. Чтобы ты росла среди деревьев. Дышала чистым воздухом.

Фиона делает глубокий вдох.

– Подумай об этом хорошенько, дорогой. Не самое подходящее время.

– Она просто испугалась.

– Больше не ходи туда без нас, – бормочет Фиона в волосы дочери, оттесняя Тома в сторону.

Из Грейси рвется новая волна отчаяния:

– Уоддлс там потерялся! Ему холодно, и он плачет по мне! – Большая слеза падает на предплечье Фионы.

Том устало отталкивается от столешницы и потягивается.

– Папа его найдет. Я схожу. Только нужно найти фонарик.

Роясь в одной из множества картонных коробок, которыми заставлен пол, он не может удержаться, чтобы не взглянуть на жену и не кивнуть в сторону соседей.

– Забор. Плющ. Бьют в эту чертову стену каждый раз, когда я включаю дрель. Машины их гостей. Теперь лес. Что дальше? Мы должны попросить их все записать. Я не могу за ними угнаться.

– Не обращай внимания на этих чудиков. Просто выбрось их из головы.

– Они с этим совсем не помогают.

– Сосредоточься вместо них на сырости наверху, там все гораздо хуже, чем казалось.

Сосредоточься на проклятом электрическом щитке. На течи под ванной. И на том, как мы будем платить за новую плиту с моей зарплаты, пока твой телефон молчит. Еще могу себе представить, сколько запросит следующий ремонтник, когда посмотрит нашу крышу. Так что я больше не хочу слышать о шоу уродов по соседству.

Уязвленный, пристыженный, не уверенный, сердиться ему или отступить перед голосом разума, Том отводит взгляд от разгневанного лица жены. Не так-то просто рассуждать здраво, когда в комнате, забитой коробками и ящиками, инструментами, мебелью, фотографиями, картинами, утварью, кипят эмоции; этот хаос теперь создает и символизирует их существование. Еще ни один предмет не нашел своего места. Вещи толпятся, точно парии, на ограниченном пространстве, создавая ощущение то ли бегства, то ли переселения. Нелепая ситуация, Том не

рассчитывал, что она продлится так долго. Целую неделю они втроем спали в одной постели. В голове невольно появлялись сравнения с семейством крестьян из черно-белого фильма, которые забились в угол лачуги и молятся о наступлении утра.

Тому не удалось пока закончить черновую работу ни в одной из комнат, не говоря уже о том, чтобы хоть какую-то отделать. Он лишь сделал их еще непригодней для жизни.

«Не все сразу, шаг за шагом. Пингвин. Сказка для Грейси. Выпить с Фионой. Посидеть и разобраться друг у друга в голове. День был долгим».

Том, прищурившись, смотрит в окно, вглядывается в темноту, сырость и холод, в которые сейчас должен отправиться. Последнее место, где он хотел бы оказаться. Сквозь размытые отражения жены и дочери в грязном стекле он различает горбатый силуэт леса, выведенный черной тушью на фоне закопченного неба.

Том поворачивается, чтобы положить свинцовую табличку, но тут понимает, что уже сделал это, хотя по-прежнему ощущает в пустых руках ее прохладную тяжесть. Вот табличка – на подоконнике, рядом с грязным черепом.

Боже, как он устал. Том моргает, чтобы изгнать из глаз отпечатки мороков. Остаточные образы. Плавающие в глубине зрения кольца дыма, то ли сопровождающие, то ли провоцирующие отвратительное ощущение, что он застрял. Ощущение, от которого сжимается кишечник.

Том качает головой и смотрит на выцветший линолеум, но ловит себя на том, что ему слишком легко вообразить годы безуспешных стараний и беспокойного хождения туда-сюда, из-за которых, наверное, и истерся кухонный пол. Вообразить, как столетие назад или даже больше кто-то копал землю, закладывая фундамент дома.

Том трет лицо и вздыхает. Воздух покидает его тело, словно остатки сил.

Треск дерева снаружи, совсем неподалеку, возвращает его в настоящее. «Соседи? Колют дрова в темноте?» Этот звук периодически повторялся с тех самых пор, как его семья вернулась в дом. Едва исчезли последние лучи солнца.

Том приближает лицо к окну, но видит не столько улицу, сколько отражение кухни за спиной. Его взгляд возвращается к открытой двери и проходу за ней. Образ, норвящий, словно коридор в ночном кошмаре, привести прямиком к белому электрическому шнуру, подсвеченному новой лампочкой.

Именно там покончил с собой прежний владелец.

Неужели потребность в доме ослепила настолько, что заставила отмахнуться от этого обстоятельства? О чем он вообще думал? Фиона проплакала целую неделю, Том никогда не видел ее такой несчастной. Такой напряженной из-за всего этого. Соседи у них какие-то ублюдки. А теперь и Грейси получила травму. Это уже слишком.

«Хватит!»

Сейчас они очень далеко от всего, что знали, от своего времени и места в мире. От того унылого и бессмысленного города, в котором застряли, не реализовавшиеся и не оправдавшие надежд. Но, по крайней мере, город был им знаком. Здесь же они превратились в ничто. Том постоянно измотан, он бессмысленно кружит вокруг разрушенной оболочки здания. Всю неделю поднимал и опускал вещи. Терял инструменты. Забывал последовательность работ в тщательно распланированном ремонте и при этом слишком долго простаивал, разглядывая грязные стены.

Он столько времени и энергии потратил впустую, маниакально воображая будущее домашнее блаженство – эдакое лекарство от постоянного страха за то, что нарушил границы этого бессердечного места. Откуда это все? Ведь совсем на него не похоже. Но как дом может стать привычным, если в нем столько старых, угнетающих реликвий? Повсюду. В каждой комнате, куда ни попади, постоянно оживают отблески прошлого, сама атмосфера наводит на мысль о единодушии, о том, что здание не может измениться. Всю неделю жуткие мысли о быстротечности жизни сдавливали горло меланхолией. Словно Том стал восприимчив к стран-

ному осознанию того, что в прошлом это место было связано с множеством жизней. От которых не осталось ничего, кроме выцветших обоев и истертых полов. Загадочных символов отчаяния.

Возможно, люди здесь жили только из упрямства. Затем умирали, возможно надломившись, как тот самоубийца. Слабому свету нового дня не стереть эти шрамы.

Чтобы он почувствовал себя еще хуже – Том в этом уверен, – ему несколько раз снился один и тот же сон, который уже начал казаться привычным: пожилая, полубезумная женщина копается в мусоре на их темной кухне. Она что-то бормочет, а ее обступают одинокие, отрезанные от всего мира люди из других времен, устремляющие скорбные взоры на беспокойный лес за прогнившим забором.

Том усердно трет глаза и лицо, пытаясь избавиться от ужасного, непреходящего ощущения инфекции. Будто, едва лишь переступив порог этого старого дома, он чем-то заразился.

Сияние невинности Грейси слишком слабо, чтобы изгнать отсюда трагедию.

«Перестань! Ты этого не знаешь».

На другом конце комнаты, сквозь собственное сопение и шиканья его жены, Грейси выпаливает:

– Уоддлс боится леса! Он совсем один в темноте!

Том снова засовывает уставшие ноги в присыпанные опилками ботинки.

За дверью черного хода его ждет холодная, темная земля.

11

Почти возле самых ворот у Тома возникает странное ощущение, что сад стал просторнее, чем при свете дня.

Он включает фонарик, и одного взгляда оказывается достаточно, чтобы понять: в эту часть сада действительно недавно внесли изменения. Несколько секунд Том не способен ни на что, он лишь таращится на уничтоженные панели забора.

Затем освещает фонариком то, что напоминает выброшенный на берег плавник посреди заросшего сорняками сада. В его дальнем углу три панели забора просто растерзаны на части, деревянные рейки превращены в щепки. Из двух срубленных столбов торчат ржавые гвозди. Варварское разрушение. А в том, с каким упорством и силой обломки потом перебрасывали через границу участков, Том интуитивно видит злой умысел.

Стоя на опустевшей и более свободной, чем днем, границе двух домов, он вспоминает треск дерева, который слышал на кухне. Пока промывал металлическую табличку, успокаивал испуганную четырехлетнюю дочь и думал, что кто-то рубит здесь дрова. А это был его забор. Ветхий и, возможно, опиравшийся на деревья соседей, но все же стоявший сегодня.

Том поворачивается к дому Мутов и освещает лучом фонаря их симметричный сад, окутанные сумерками аккуратные холмики. До красной кирпичной кладки свет почти не дотягивается, но несколько окон мерцают отблесками, а белый брус упрямо сияет яркостью пряничного домика. Пазл с деревенской идиллией, мелькнувший в темной комнате. Хотя теперь силуэт идеальной крыши соседей напоминает Тому высокую шляпу пуританина – солидного, самоуверенного, неодобрительного.

– Ублюдки.

Он со страданием вспоминает эту карлицу – миссис Мут, которая вскидывает в воздух руку, протестуя против сломанных заборов в их деревне. Его забор разрушен по ее указке.

У Тома перехватывает дыхание и кружится голова. На лбу высыхает холодный пот, а внутренности извиваются теплыми змеями. Он испытывает неодолимое желание бросить камень в дом Мутов и даже оглядывается по сторонам в поисках подходящего снаряда. Достаточно тяжелого, чтобы смог долететь.

«Пингвин. Фиона».

С решением проблемы разрушенного забора придется подождать. Но он до нее доберется. И до них. Утром.

Том собирается сделать шаг в сторону леса, но его ботинок цепляется за ржавый гвоздь, спрятанный в высокой траве. Ловушка для ног его маленькой девочки и лап щенка. Лицо Тома снова обжигает гневом, который переполняет его сердце.

Приходится приложить волю, чтобы идти дальше. Но даже тогда он не добирается до леса, поскольку теперь замечает привинченные к калитке распятия.

– Какого хрена?

Очередной символ беспросветно безумной истории этого места. «Неужели их вкрутил самоубийца? Зачем?»

Том был настолько занят разбором комнат, что до сих пор не отходил далеко от дома. А сейчас потерялся Уоддлс, и нет времени отвлекаться на что-то другое.

Том ныряет в лес и светит слабым лучом фонарика под ноги, осторожно ступая между колючими вьющимися стеблями и крапивой.

Бледный свет разбивается о кустарники по сторонам тропинки, морозным узором ложится на листья, натывается на переплетения побелевших веток и сотканые из нитей смолы «пасти».

Сколько ни светит Том на грязную тропинку в поисках замызанной фигурки потерянного пингвина, не находит никаких его следов. Хотя в конце концов обнаруживает чьи-то еще и вскоре присаживается на корточки, чтобы осмотреть грязь там, где дорожка расширяется.

Необычные следы наводят его на мысль: уж не пасутся ли в этих лесах коровы или овцы с ближайшей фермы? Только вот разве их копыта оставляют такие отпечатки? Похожие то ли на две запятые, то ли на перевернутые слезы. Тому это неизвестно, но следы повсюду, будто недавно кто-то здесь топтался, впечатывая в почву свои большие ноги.

В других местах Тому удается разглядеть рисунок с подошвы ботинок Грейси. Следы идут в обоих направлениях: там, где она вошла в лес, и там, где выбежала в слезах. Но отпечатки животных свежее, они стерли большую часть следов дочки.

Муты велели Грейси держаться отсюда подальше. Они, наверное, считают лес своей собственностью. И если подобного абсурда недостаточно, то теперь есть еще одно свидетельство агрессивного присутствия соседей в жизни Тома и его семьи. Забор разрушен, а на пороге сада топталось животное.

Том строил на этот лес такие большие планы. Семейные пикники, походы с Грейси по здешним тропам, прогулки с собакой, сбор ягод время от времени. Он хотел, чтобы его семья свободно бродила по этим просторам и наслаждалась ими.

Том идет дальше, направляя луч фонарика на тропу между деревьями, пока не теряет звериные следы. Но кто-то четвероногий определенно пробежал здесь, прежде чем скрыться в подлеске. В том месте, где следы исчезают, Том опускается на одно колено и вглядывается в кустарник.

И сразу же чувствует зловоние экскрементов.

Ему не требуется много времени, чтобы заметить кучу цвета кровавой колбасы, но неприятно человеческую на вид. Один край кучи расплющился у него под коленом. Том раздавил корку чего-то сочного и миазматического, пахнувшего гораздо хуже собачьего дерьма.

– Ох, ради всего святого...

Сквозь джинсы проникает ощущение влаги. Том не только вляпался в кучу коленом, но и прикоснулся к ней рукой. Он вскакивает и ударяется головой о ветку.

– Черт.

Том безнадежно смотрит вперед, на то немногое, что еще видит впереди. Совсем немного. Остальное пространство утопает в зелени, достаточно колючей, чтобы в такой темноте выколоть себе глаз.

Он решает прекратить поиски, и только теперь, забравшись глубоко в лес, но решив вернуться в дом, чувствует, как его ощущения резко обостряются из-за того, что за ним наблюдают. С обеих сторон тропинки.

Поводя фонариком по сторонам, Том ищет подтверждения того, что на самом деле он один. Однако сразу понимает, что после захода солнца фонарик в диком лесу только наводит на мысль, что кто-то действительно следит за тобой из-за пределов досягаемости слабого луча.

– Я вернусь утром, Уоддлс.

* * *

Ссутулившийся и побежденный, Том вваливается в дом через черный ход. Запах мокрого сада окутывает его точно древесный дым.

Фиона сидит на табурете и стучит по клавишам ноутбука. Она не поднимает глаз, пока ее муж пытается одной рукой снять ботинки, дергая, а затем разрывая шнурки. Вторую руку он держит поднятой, будто хромотное животное, но в конце концов теряет равновесие, валится и ударяется плечом о стену.

Ботинок все-таки слетает и катится по линолеуму, выцветшему от мириад ног и солнечных лучей. Обычно Том ловко снимает обувь и ставит ее рядом, в сторонку.

У раковины он дергает кран, вызывая дрожь в зашитых трубах, дом точно стонет от боли. По всей его артериальной системе воздушные карманы, которые ограничивают «кровоток» и вызывают судороги, от них дребезжат балки и стучат кирпичи. Дела с водопроводом обстоят сейчас гораздо хуже, чем неделю назад, когда они только приехали.

«Еще и это. Небольшой перерыв – все, что мне нужно».

Из крана вытекает струйка молочно-белой воды.

Том отворачивает вентиль полностью. Стук капель не усиливается.

– К черту! – Он сует перемазанную в фекалиях руку под жалкую струйку.

– Нашел? – устало спрашивает Фиона. Взгляд она не поднимает.

– Слишком темно. Он может быть где угодно. Там же много миль. Зайди на Ebay.

– Уже занимаюсь. Уоддлс Четвертый должен прибыть через два дня. Экспресс-доставка.

– А знаешь что? Угадай, что они сделали. Парочка хамоватых ублюдков-соседей.

Фиона не пытается угадывать.

Из-под раковины раздается хлопок, и из крана, наконец, хлещет вода.

– Они разрубили панели забора. В конце сада. Просто вышибли их!

Фиона поднимает взгляд, но вспышка мужа ее не трогает.

– Там все провисло, дорогой. Дыхни на этот забор, и он рухнет.

Том тычет мокрым пальцем в стену, которая соединяет их с Мутами.

– Фи, они его сломали! Чтобы набрать себе ничтожных баллов. – Он делает вдох, чтобы не задохнуться от гнева, дергает вентиль, перекрывая поток воды. – Это был наш забор... Представь, что ты бы так поступила с новыми соседями... Я не могу понять почему.

– Деревенская жизнь. Не то чтобы нас не предупреждали.

Том закрывает глаза, чтобы собрать внутренние силы – крошечную пожарную команду разумных мыслей, которая часто требуется, чтобы погасить пламя ярости. Он не хочет, чтобы тлеющие эмоции обострились и переросли в ссору с Фионой.

А ее внимание переключается на испачканное колено мужа.

– Что за запах? Это дерьмо?

12

Вокруг старого, сумрачного дома царит тишина. Тяжелая черная пелена ночи без малейшего проблеска света окутывает здание, словно птичью клетку. Само время будто замедляется, а далекий мир, который они знали прежде, летит по ускорившейся орбите. Иногда Тому кажется, что он чувствует, как тот, другой мир уходит все дальше, оставляя их на произвол судьбы.

Сквозь стену, отделяющую их от соседей, не проникает ни звука. Но этот покой Том намерен разрушить с помощью электродрели, которую сжимает рукой в перчатке точно орудие убийства.

Они презирают его семью. Им знакомо лишь презрение к его дому. Отчего так, остается только гадать. Возможно, Муты – снобы. И завидев его, Фиону и маленькую Грейси, наверное, отшатываются и морщат лица. Возможно, считают новеньких невоспитанными выскочками, купившими сельское поместье на аукционе.

Но в его семье нет ничего кричащего, вычурного или аляповатого. Пошлого или чрезмерного. Грубоватость? Немного есть, но чья в том вина?

«Вы топчете гвоздики!»

Семья из рабочего класса, обычная, но образованная, которая ездит на старых машинах и почти сводит концы с концами. Но в наш одержимый статусом век, возможно, именно к этому сводятся все предрассудки: к чистой социальной конкуренции. Соседям необходимо ощущение, что они выше по положению.

«Надеюсь, вы можете себе это позволить? Ваш первый дом, не так ли? Немного поздновато, а? Надеюсь, у вас глубокие карманы».

Или дело в чем-то другом? В вопросе границ? В провинциальных предрассудках против чужаков, у которых нет здесь корней?

«Позор! У нас в деревне нет сломанных заборов».

Какими бы мотивами ни руководствовались соседи, когда разрушали забор и пугали Грейси, Том сомневается, что однажды состоится разговор, где раскроется правда о том, почему Муты испытывают такое отвращение к его семье. Чтобы разобраться в причинах их гнева, требуется время, терпение и энергия, которых Тому не хватает. И с какой стати он должен задабривать Мутов, налаживать мир, считаться с ними, ломать шапку или выпрашивать одобрение? Последний домовладелец и агентство недвижимости истончили его дипломатичность до толщины папиросной бумаги. И этот депозит уже не вернуть.

Он должен ответить на дневные поправки прав.

«Время пришло».

Если у вас имеются соседи, то момент, когда можно воспользоваться дрелью, уже прошел. Том это знает. И теперь, стоя перед разделяющей его и Мутов преградой, он чувствует, как власть над ним изо всех сил пытается себе вернуть врожденная сдержанность, сильная и неизменная общепринятая вежливость, которая укоренилась в нем и запрещает подобное поведение. Соблюдение условностей, желание не беспокоить и не раздражать других всегда диктовали ему свою волю. Так его воспитали. К тому же может проснуться Грейси, так что вешать сейчас полки – глупая затея.

Однако эта безотчетная нерешительность заставляет Тома почувствовать себя еще ничтожней, чем после возвращения из леса с пустыми руками. Его ноги стали как-то тоньше, а сердце трусливей. Одно из самых худших ощущений, которые может испытать человек: волокна увядают, соки протекают, взгляд опускается, плечи сутулятся.

«Нет!»

Он вошел в комнату, вооруженный для боя, и должен биться. Нужна шумная, недобрососедская схватка. Нужно отомстить за забор, немедленно и весомо. Этикет здесь не поможет. После нанесенного удара Муты начнут позволять себе все больше и больше вольностей перед лицом его пассивности. Люди вроде них действуют именно так.

Свежие и неприятные впечатления об этих людях клокочут в его голове: их отвратительные лица и нелепые прически, злобные замечания, от которых у него напрягается спина, снисходительность и ухмылки, собственническое отношение к границе участков, оскорбления, брошенные в сторону его дома...

«Они довели Грейси до слез!»

Между двумя громкими ударами сердца пьяное электричество проходит через его нервную систему. Врывается в его мысли веселыми, безумными гончими, способными на мелкие пакости, и Том выравнивает металлическую скобу на темном участке стены. Напрягает мышцы предплечья, чтобы вес дрели не ослабил жесткость запястья, и прицеливается.

Саморез входит в стену, словно карандаш в мягкий сыр, а руки, легкие, зубы и ступни Тома чудесно гудят от скучной, разрушительной силы, которая сотрясает его руку.

Второй саморез вкручивается заподлицо.

Кронштейн установлен прямо. Хорошая работа. Он создает дом. Их дом.

Том находит метку и начинает прикручивать вторую скобу.

После того как третий саморез ввинчивается до упора и стихает звенящий в ушах вой мотора, по комнате разносятся удары с другой стороны стены.

Хлоп. Хлоп.

Удары быстро становятся ритмичными, решительными. «Кулаком или ладонью?» Кажется, прозвучал даже намек на повышенные тона. Да, определенно только что раздалось: «Эй!» Маги возмущен. «Какой стыд!»

Шлеп, шлеп, шлеп другой рукой, поменьше. Ее рукой.

Подбадривая друг друга, доведенные до ярости соседи начинают колотить по стене. Сочные удары сопровождаются приглушенными, нечленораздельными криками, но те едва проникают сквозь костяк каменной кладки, мышцы планок и кожу штукатурки.

Том стискивает оскаленные зубы и готовится закрепить скобу вторым винтом.

Позади него, щелкнув, открывается дверь.

– Какого черта ты делаешь?

Фиона стоит на пороге, скрестив руки на груди. Она собирается заговорить, но замолкает, прислушивается к шуму, доносящемуся из-за стены.

Затем выражение ее лица смягчается до примирительного, и Том понимает, что его жене наплевать на безрассудное опьянение в глазах мужа.

– Том. Уже становится поздно.

Он пожимает плечами.

– Просто вешаю пару полок. Потом закончу.

– Полагаешь, для одного дня было мало огорчений? К тому же ты разбудишь Грейси.

Том поднимает дрель. Смотрит в потолок. Тишина.

– Я быстренько.

Фиона разворачивается и закрывает дверь с решимостью, которая заставляет его передумать и отказаться от продолжения.

Хлопки и рев уже стихли, сменившись напряженной тишиной. Том почти ощущает ее, словно кто-то стоит слишком близко и смотрит ему прямо в лицо. В мыслях возникает образ миссис Мут, ее обычная гримаса, скрытая нелепой копной волос. Если остановиться сейчас, Муты решат, что они выиграли еще один раунд.

Том прислоняет линейку к стене, огрызком карандаша делает отметку – мишень для шурупа. Готовит дрель и шепчет:

– Иду на вы.

Вращающееся сверло вгрызается в стену и разбивает любые шансы на мир.

По ту сторону пропасти соседи пытаются пробиться к нему, будто замурованные в нише пленники. Они тщетно выбивают еще одно беспорядочное стаккато хлопков. Напыщенный тон Маги становится громче.

Том смеется.

«Но ведь мы всегда делали правильный выбор, не так ли, моя дорогая? Разные стандарты».

Том заглушает шум соседей как вокруг, так и внутри себя. А почему бы не прикрутить еще один кронштейн на четырех саморезах? Непохоже, что здесь не повесить еще одну полку.

* * *

Когда работа наконец завершается, Том стоит перед аккуратным рядом из трех полок.

На фоне маслянистого запаха напряженных усилий дрели он не уверен, испытывать ему облегчение или разочарование от того, что Муты так и не явились лично и не постучали во входную дверь. Появилась бы возможность рассказать им о заборе и расстроенной дочке. Но ничего. Никакого абордажного отряда, никаких факелов и вил, никаких закатанных рукавов. И уже некоторое время никаких приглушенных криков или хлопков старческими руками. За стеной тихо. Том ухмыляется. Прогресс.

Торжествуя, как человек с заряженным пистолетом против безоружного врага, которого застал врасплох контратакой, он поднимает дрель и в последний раз нажимает на спусковой крючок.

В ответ на это издали раздается тоненький голосок:

– Мамочка! Почему папа сверлит?

Том выключает дрель, но когда стихает шум мотора, слышит в комнате по другую сторону стены новый звук: что-то вроде тихого топ-топ-топ босых ног.

Похоже, Муты, даже перестав кричать и стучать, не удалились в постель. Напряженные и бормочущие или разъяренные и дергающие себя за средневековые стрижки, они по-прежнему на позициях.

Том придвигается ближе, прижимается ухом к стене. Он чувствует себя нелепо, но ему крайне любопытно, как отреагируют соседи. Что это, топот?

Вот снова: пара ног кружит по твердому покрытию. Стук-шлеп, стук-шлеп, стук-шлеп, круг за кругом. Должно быть, в той комнате деревянные полы. И, видимо, соседи кричат, хотя из-за стены и пустоты в этой комнате голоса Муты напоминают кваканье и визг. В тоне кого-то из них особенно неприятная резкость, будто человек заставляет себя жестоко хохотать.

Ошарашенный не менее, чем от встречи с сумасшедшим незнакомцем на улице, Том испытывает приступ дискомфорта. Он пытается игнорировать эту перемену в себе – от триумфа к тревоге – и снова дивится акустике в этих старых зданиях.

В комнате соседей продолжается топот, но между ударами ног по полу возникают долгие паузы, из-за чего Том представляет, что теперь кружат не семенящие, а вышагивающие ноги. Или они перепрыгивают с места на место со скоростью, превышающей возможности всех, кроме олимпийцев.

Шаги внезапно смолкают, наступившая тишина набухает и затягивается так надолго, что Том успевает оглядеть комнату, словно стараясь убедиться, что стены выдержат. «Выдержат что? Не будь дураком».

Даже новая лампочка едва рассеивает сумрак в комнате. Глубокая тьма исходит от самих стен. И так в каждой из передних комнат, даже днем. Том никогда раньше не сталкивался с таким нездоровым полумраком в помещениях. В комнатах будто царит суровая убогость пере-

жившего войну мира. Цепляющиеся за все меланхолия, серость, уныние, безнадежная покорность трудных времен.

Они подумывали устроить тут столовую, но ты никогда не разглядел бы то, что у тебя в тарелке. В квартире семья Тома привыкла есть перед телевизором. Целая комната для приема пищи кажется им чем-то захватывающим и новым, но в то же время нелепым и анахроничным.

А еще они не могут привыкнуть к такому простору внутри дома. В их квартире были две маленькие спальни, кухня, больше подходящая для трейлера, туалет, который был бы уместнее в игрушечном домике. Том заметил, что Фиона робко заглядывает в помещения этого дома, словно удостовераясь у их владельцев, можно ли ей войти. Грейси не перестает бегать по комнатам, точно она на улице. Но боится оставаться слишком далеко от родителей и часто прибегает обратно, откуда бы ни начинала свои экспедиции, бросается им в объятия, почти рыдает. Говорит, что «заблудилась».

И тут словно его оценка комнаты подстегивает злые наклонности тех, кто живет за стеной, – странные звуки возобновляются. Но теперь звучат ближе к полу, почти у самых ног. Том отходит от стены.

Он уверен, что у Мутов нет собаки или какого-то другого домашнего животного. И они не фермеры. Но царапанье у основания стены напоминает о когтях Арчи, когда тот скребет заднюю дверь, отчаянно стараясь выбраться в сад. Да, звуки волнения наводят на мысль о возбужденном животном, крупном и четвероногом, которое пытается пробиться на эту сторону.

Том отступает еще дальше и кладет дрель на верстак. Затем уже в дверном проеме с ужасом и восхищением смотрит на стену, ожидая, пока царапанье прекратится.

Некоторое время он остается на месте, поскольку то ли разламывание, то ли разгрызание плитусов не прекращается. Как и неистовое кружение жестких лап. Это все равно, как если бы один из Мутов скреб стену вилкой, а другой топтался бы по замкнутому пространству в обуви на деревянной подошве.

Тому хочется, чтобы Фиона пришла и услышала это, но она, ясное дело, не пойдет. К тому же не стоит снова провоцировать жену. Так что Том просто закрывает дверь, за которой не утихают топот невидимых ног и царапанье, и бредет прочь, стыдясь взгляда, против воли брошенного через плечо. И еще одного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.